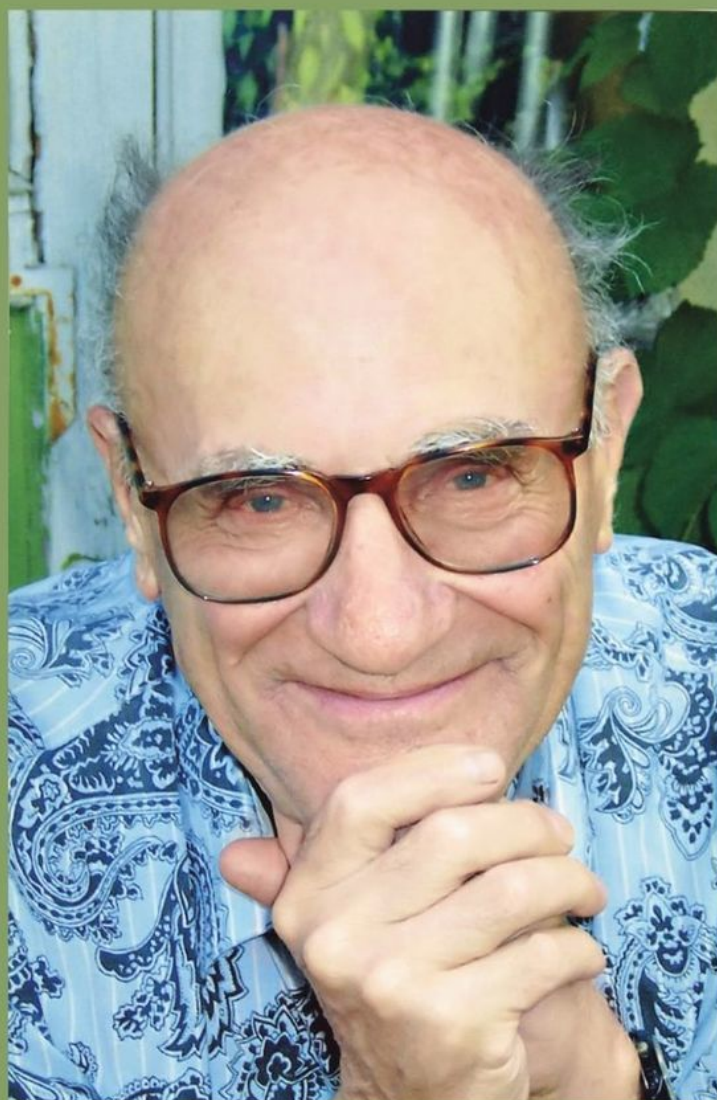

ИЗОЛЬД ГИНЗБУРГ

**ИНТЕРВЬЮ
С САМИМ СОБОЙ**

Изольд Гинзбург
Интервью с самим собой

«Издательские решения»

Гинзбург И. Б.

Интервью с самим собой / И. Б. Гинзбург — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-988555-5

Эта книга — дневники и путевые заметки, которые мой папа начал писать со времени блокады и продолжал во время учебы, турпоходов, поездок, командировок, путешествий по стране и за рубежом. Книга написана живым языком, отражающим характер эпохи.

ISBN 978-5-44-988555-5

© Гинзбург И. Б.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава 1. ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ	8
БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК	8
Первая эвакуация	9
Неудавшаяся эвакуация	10
Голод	11
Вторая эвакуация	14
ШКОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК	15
Город, 1945 – 1949 гг.	18
СТУДЕНЧЕСКИЙ ДНЕВНИК	21
Работа от института на стройке ГЭС под Выборгом летом 1950 г.	23
Работа от института на стройке ГЭС в Тиенхааре летом 1951 г.	29
ДНЕВНИКИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ	36
Глава 2. РАБОТА	40
Первая работа И ЖИЗНЬ В Рустави. 1955—1957 гг.	40
РАБОТА В ВНПО «Союзавтоматстром»	46
Перечень книг	58
Командировки	59
ОТРЫВКИ ИЗ ЗАПИСОК ВО ВРЕМЯ КОМАНДИРОВОК	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Интервью с самим собой

Изольд Борисович Гинзбург

© Изольд Борисович Гинзбург, 2020

ISBN 978-5-4498-8555-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Санкт-Петербург

2002

*Моим родителям
Евгении Михайловне и
Борису Исааковичу Гинзбург
посвящаю
Познай самого себя
восточная мудрость*

*Воспоминания – родина души
Гете*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга о самом себе. Она составлена из дневниковых записей и путевых заметок. Ее особенность в том, что ее автор, то есть я, обыкновенный человек, никакая не знаменитость. Любой человек, независимо от профессии, может быть интересен. Мы мало знаем о наших предшественниках, как-то раньше не принято было интересоваться этим.

А мне было бы интересно, если бы вдруг обнаружили записки кого-нибудь из моих предков, деда или других. Я не знаю о них почти ничего. Сейчас пытаюсь собрать что можно, переписываюсь с оставшимися родственниками, но все собирается очень скупо, по крупицам. Может быть, и моим потомкам будет интересно узнать, а кто был их предок, как прожил свою жизнь, что за время было.

Хочется думать, что, может быть, и другим читателям покажется интересным опыт одной жизни. Готовя рукопись, заодно еще раз сам вспомнил, что было.

Собрав и систематизировав свои записки, решил почти ничего не добавлять от себя, сегодняшнего, ничего не править – что написалось когда-то, то и написалось.

Материал книги состоит из нескольких глав. Начинаются воспоминания с блокадного дневника, а потом с перерывами до настоящего времени.

В первую главу почти полностью вошел блокадный дневник, написанный по памяти зимой 1943 года, после того, как мы с мамой эвакуировались летом 1942 года из Ленинграда в село Шуган в Татарию к ранее уехавшей туда тете Зине с семейством.

Далее следуют школьные дневники, начиная с шуганских времен и кончая ленинградскими, когда я учился в школе №155 в Греческом переулке, затем дневники студенческие вплоть до отъезда в большую жизнь на работу в Рустави.

Дневниковые записи начинаются с детства. Это время становления, развития, получения образования, узнавания мира. Мне кажется, что я уже тогда понимал, как важно заложить правильные основы в фундамент будущего человека, будущей жизни.

Вторая глава посвящена работе – вначале в Рустави после окончания института, затем с 1954 по 1991 год в институте ВИАСМ ВНПО

«Союзавтоматстром», а потом еще несколько лет до 1996 года в Ассоциации пользователей АСУ цементных предприятий. В главе бегло приводятся перечень, последовательность и характер работ. В эту главу включены и записки во время командировок.

В третью главу вошли записки о некоторых турпоходах, путешествиях, поездках по стране, по таким благословенным местам, как Крым, Кавказ, Средняя Азия, Золотое кольцо Москвы и другим.

Четвертую главу составили описания некоторых зарубежных путешествий.

Может быть, читатель найдет в этих и других записках что-нибудь интересное для себя. Мне самому, готовя эти материалы, было любопытно еще раз окунуться в атмосферу и подробности этих поездок. Записки не претендуют на полноту. В путешествиях всегда много переживаний, встреч и общений с разными людьми, новых впечатлений.

В пятую главу вошли рассказы, размышления, некоторые письма и стихотворения.

Дневники или записки – те же движения души, только выраженные прозой.

Когда-то я увлекался черно-белой фотографией. Много лет снимал «Сменой» и «Зенитом», грамотно выбирал экспозицию, почти профессионально печатал. На работе в институте мы неоднократно устраивали выставки. Сколько часов провел в ванной и сколько перепортил бумаги – не сосчитать. В поездки почти всегда брал два фотоаппарата – один для черно-белой пленки, другой – для слайдовой. Теперь и «Смена» с «Зенитом», и черно-белые фото отошли в прошлое. Мало творчества. Требуется только выбрать кадр и нажать кнопку, остальное сделает сам аппарат, потом не ты, а другие проявят и напечатают.

Писание карандашом и ручкой тоже отходит в прошлое. Есть диктофоны и компьютеры. Но все равно, какое удовольствие записать в блокнот, сидя на скамеечке в городе или на пенечке в лесу: «Восходит солнце, просыпается жизнь, да здравствует новый день».

Невесть откуда пришла мысль закончить книгу Благодарением и неким Реквиемом, как образом конца и в то же время продолжения жизни. И связать финальные слова с музыкой, с любимой второй частью

7-й симфонии Бетховена. Мне трудно судить, получилось ли. Скорее нет, но другого финала запискам не придумал.

Благодарю за труд и помощь в создании книги наборщиков текста Лену Королеву и Олю Готманову, а также литературного редактора Валентину Степановну Кизило.

Буду признателен за отзывы и замечания.

Надеюсь пробудить этим трудом и у других желание написать о прошлом, каким бы оно ни было.

2001 г.

Глава 1. ОТРЫВКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ

БЛОКАДНЫЙ ДНЕВНИК

Первые дни войны

Проснулся я в 7 часов утра. Летнее солнце теплым светом заливало нашу комнату. Бабушка, мама и папа были уже на ногах. Я быстро помылся, оделся и сел завтракать. За завтраком папа сказал мне, что он слышал по радио (недавно к нам провели радиоприемник), что Германия в 5 часов утра без объявления войны напала на наши границы. Он сказал также, что в 12 часов дня будет по радио выступать с речью тов. Молотов.

Перед выступлением тов. Молотова у нас на Охтинском лесопильном заводе был митинг. На митинге выступали рабочие нашего завода. Они говорили, что Красная Армия прогонит немцев с нашей земли. Они были твердо уверены в нашей победе. После окончания митинга все разошлись по домам, мы пошли домой слушать радио. Тов. Молотов также говорил, что «враг будет разбит, победа будет за нами».

Я еще больше воодушевился тем, что мы победим врага.

Каждое воскресенье мы уезжали «в город» (жили мы в пригороде, в поселке на Малой Охте при лесопильном заводе). В городе жили все мои дяди, тети и папина мама, моя бабушка (мамина жила с нами). Каждое воскресенье я, мама и папа ходили в кино или ТЮЗ. Сегодня мы не поехали в город из-за объявления войны. Мы узнали, что немецкие самолеты утром этого же дня напали на многие наши города. В Ленинграде они еще не появились, но мы их ждали.

С первого дня войны с нашего завода стали забирать на фронт рабочих и служащих. Моего папу пока не забрали, так как он был одним из лучших служащих завода и на работе был нужен. Пока на него наложили бронь.

Мимо нашего поселка протекала речка. Наш дом стоял над самой речкой и считался одним из лучших домов в поселке, так как в каждой квартире (их было 8) был отдельный водопровод и уборная. Дом стоял на горке. Под горкой стояли штабеля дров с человеческий рост, припасенные жителями поселка к зиме. Мы с мальчишками играли около этих дров в войну. Смастерили револьверы, наганы и сабли, разделились на две группы. Одна группы ловила, другая – пряталась. После того как наша группа проиграла, мы собрались в небольшую кучку и начали говорить о войне, кто что знает. Так постепенно прошел день.

Другие дни шли однообразно. В школу я не ходил. Целый день проводил с мальчишками. Только к этим однообразным дням прибавились воздушные тревоги. Они были по несколько раз в день, а иногда случались и ночью.

Первая эвакуация

Постепенно в Ленинграде заговорили об эвакуации. Стали эвакуироваться на восток детские дома, ясли, школы, крупные и мелкие предприятия, отдельные семейства. Я с братом эвакуировался с детьми работников Севзаплеса. Стало известно, что мы уезжаем 5 июля 1941 года в небольшое село Пестово.

И вот настал этот день, 5 июля. Утром я проснулся, помылся, оделся и позавтракал. Я, мама и папа взяли вещи и поехали на трамвае на улицу Некрасова, где жил мой двоюродный брат. Оттуда мы все вместе поехали на Большой проспект, где жила моя тетья. Она ехала с нами в качестве воспитателя. Всех детей посадили в машины и отправили на Московский вокзал. Ночью погрузили в товарные вагоны – теплушки. Нас кое-как разместили на полках. Мы с братом лежали на верхней полке. Утром я проснулся, когда поезд шел. Я слез с полки и подошел к двери. Я стоял и смотрел на проносящиеся поля, луга, леса, воинские эшелоны. На остановке лег на полку. Рядом играли мальчишки, но в поезде мне было скучно. Иногда я принимался читать взятые из дома журналы. Ехали мы две ночи и один день. К 11 часам приехали в Пестово. Нас погрузили на подводы и отправили к дому №28. Там нас разместили. Директор и воспитатели ходили договариваться, в каких домах мы будем жить. Все ребята бегают, прыгают, а мы стоим в стороне (мы здесь никого не знали, потом познакомились). Я вышел на улицу, и мне стало так грустно, что я заплакал.

К обеду мы были уже на новых квартирах. Я с братом на 2-м этаже в группе моей тети. Обедать ходили в столовую. Тропинка проходила через сосновый бор. Как хорошо здесь! Солнце печет немилосердно, но здесь свежо и приятный запах. Мы с ребятами бегаем в бору, играем в войну, ходим по несколько раз в день купаться на речку. Кормили нас очень хорошо, всего было вдоволь, а в это время в Ленинграде появились продовольственные карточки. Но, несмотря на это, мы очень хотели домой. Говорили, что нас пошлют еще дальше. Но однажды приехал представитель Севзаплеса, и мы с ним поехали обратно в Ленинград.

Неудавшаяся эвакуация

Как только мы приехали в Ленинград и сошли с поезда, завывли сирены, и голос диктора в репродукторе объявил: «воздушная тревога, воздушная тревога». Мы сразу же с воспитателями прямо с вокзала побежали в убежище. Когда кончилась воздушная тревога, мы все разъехались по домам. Когда я приехал домой и, отдохнув, вышел погулять на улицу, то увидел, что ребят из нашего поселка осталось очень мало, почти все разъехались. Эвакуация продолжалась.

Папа с мамой начали хлопотать о том, чтобы я с мамой эвакуировался. Когда, наконец, все было готово к отъезду и осталось ждать эшелона, сказали, что эвакуация временно прекращена. Когда она восстановилась, мы не смогли попасть на эшелон, но моей тете с детьми удалось уехать. По железной дороге эвакуация прекратилась, и мы остались на зиму.

Воздушные тревоги бывали очень часто. Мы пробовали считать, и выходило, что в среднем по 10 раз в день, а часто и ночью. Хочу описать одну из ночных тревог.

Ночь. Мы спим. Вдруг по радио завывли сирены. Мы быстро вскакиваем, так как спим в одежде. Я с папой бегу по улице, мама идет за нами. Темно. По небу над нами рыщут прожекторы, слышится гул самолетов, сверкают разрывы снарядов. Их осколки со свистом летят вокруг нас и ударяются в мостовую. Бежишь скорее, боишься, как бы не попало в тебя. Вот луч прожектора нащупал немецкий самолет. Сильнее забили зенитные орудия. Но вот и газоубежище, ускоряешь бег, несмотря на то, что хочется посмотреть, что будет дальше. Убежище заполнено людьми, они лежат на нарах (иногда тревоги продолжаются до утра). Я сажусь на стул. Изредка подхожу к двери, слушаю, что происходит на улице. Очень хочется выйти, но нас не пускают, около двери дежурят люди из МПВО.

Наконец отбой. Все выходят из газоубежища. На западе – огромное зарево. Мы с мамой проходим мимо вышки. Там нас ждет папа, он здесь дежурил, и мы вместе идем домой. Папа говорит, что это горит на Васильевском острове. Приходим домой, ложимся спать. Бабушка дома, иногда она не ходит в газоубежище. Примерно такого характера тревоги бывают и днем.

Около нашего дома вырыты траншеи, или, как мы их называем, щели. Общими силами люди нашего поселка вырыли их еще летом, они общие для всех. А еще мы сами вырыли специально для себя. В случае бомбежки нашего дома мы бы переселись туда. Днем мы ходим в эти траншеи.

Голод

Наступила зима 1941 года. Вместе с зимой пришел и голод. Хлеба давали по 500 г рабочим, 400 г служащим и по 350 г иждивенцам и детям. Учеба в школе не начиналась из-за бомбежек помещений (почти все школы были заняты госпиталями) и голода. Крупы и мяса давали очень мало, и люди начали пухнуть и умирать от голода. Стали есть кошек и собак. Керосина и электричества в городе не было, прекратила работу канализация, не хватало дров. Люди сидели в холоде, в голоде, без освещения. Но у нас на лесопильном заводе было электричество, были дрова и канализация.

С начала зимы стали умирать мужчины. Доктора говорили, что женщины не умирают сейчас потому, что у них в теле имеются жировые запасы. Мой отец сильно ослабел. Из-за этого он перестал ходить на работу. Ему выписали белый хлеб. Я каждый день бегал за ним в булочную на Малую Охту. С хлебом мы разделились. Мы с мамой ели вместе, папа и бабушка раздельно. Папа давал нам с мамой 200 г белого хлеба, а мы ему 200 г черного. Вскоре он настолько ослабел, что пришлось его отправлять в больницу для слабых, где кормили лучше, чем дома. Мы часто ходили его проведать. Он снова встал на ноги, начал ходить на работу, но заболел сильным поносом (в городе все болели тогда голодным поносом), и его снова пришлось отправить в больницу. Не пробыл он там и неделю, как позвонил маме по телефону, чтобы мы приехали и взяли его обратно. Мы с мамой пошли за ним в больницу. Заплакал он как маленький, увидев нас. Получив обед, мы пошли домой. Отца пришлось взять под руки, так как он еле держался на ногах.

– Каждый день в нашей палате умирали прямо на глазах, по три, по четыре человека, – сказал папа, – во дворе под окном их складывали в штабеля, как дрова, не успевали хоронить. Тяжело, очень тяжело умирать там, Женечка!

– Дома не легче, – сказала мама.

– Нет, лучше я умру дома на своей кровати.

Как только мы пришли домой, папа лег и много дней лежал, не мог от слабости встать.

Постепенно норму хлеба стали уменьшать и дошли до того, что стали давать по 125 г нечистого хлеба. В хлеб примешивали дуранду, картон и бумагу. Люди стали умирать тысячами в день. Мертвых кидали прямо в траншеи, а когда они наполнялись трупами, их засыпали землей. Отдельных могил не было, но за 3 кило хлеба могли бы дать могилу-одиночку. Покойников в гробы не клали, а зашивали в простыни. Мертвые валялись на улицах. Кошек и собак больше не осталось, и люди начали есть друг друга. Рассказывали, что одна мать убила своего ребенка, чтобы пользоваться его продовольственной карточкой.

Утром, когда мы из булочной приносили хлеб, его резали на тоненькие ломтики и сушили на плите, так как он был сырой. Хлеб каждый из нас замыкал на ключ. Бабушка, как только получала утром хлеб, не могла удержаться и сразу съедала его. Мы с мамой делили хлеб на три части – на завтрак, обед и ужин. Папа же был очень экономный, и, несмотря на то, что очень был голоден, всегда оставлял «на черный день» хоть маленький кусочек. Иногда за хлебом, мясом, крупой приходилось простаивать в очереди целые дни. Бывали дни, когда хлеба привозили так мало, что доставалось только немногим, а остальные сидели по несколько дней без хлеба. Папа получил от завода в поддержку полпуда мучных отбросов, из них мы пекли лепешки.

У моей мамы специальность машинистки, но зимой она стала работать телефонисткой. Работала по 8 часов, а два раза в неделю работала ночью. Обеды готовил я, потому что она была занята. Зимой я заболел, и очень серьезно. Мне чудилось, что я куда-то лечу. «Мамочка, папочка, мне так не хочется умирать», – кричал я в бреду. Все думали, что я умру, но я выжил. У меня было что-то с мозгом. «Это от голода», – говорили врачи.

Однажды зимой мама сказала мне, что умерла от голода моя тетя, папина сестра, и чтобы я не рассказывал папе. Папе сказали, что она уехала в Барнаул. Если бы он узнал о ее смерти, это было бы для него большим горем.

Папа был очень слаб, еле держался на ногах. Всю зиму я на улицу выходил очень редко, в основном сидел дома, читал книжки. Некоторые ребята нашего поселка эвакуировались, другие умерли, так что играть мне было не с кем и неохота.

Наступила весна. Апрель. Люди опять стали эвакуироваться. Некоторые бежали куда-нибудь в пригород, в деревню, подальше от голода. Хлеба постепенно стали прибавлять. Однажды мы купили продовольственные карточки у эвакуированных, которые уезжали из Ленинграда. Утром 9 апреля бабушке сделалось плохо и она слегла в постель. Она начала пухнуть. Ночью с 11 на 12 апреля она умерла.

Папа и мама получали на заводе усиленное питание. Мама со мною делилась, папа тоже давал что-нибудь, но я у него не брал, так как знал, что он сам очень голоден и, может быть, не выживет. Он бы давно умер, если бы не сердце, оно у него было очень крепкое.

Стали ходить некоторые трамваи. Улицы и заборы начали чистить от накопившейся зимней грязи. Стали открываться школы. Я начал ходить в школу, туда я ходил только из-за питания, давали на 50 г хлеба больше, чем полагалось. Кроме того, давали готовые завтраки, обеды и ужины.

Папа сообщил мне, что 15 мая умерла от голода его мать, моя бабушка.

В конце мая к нам переехали и стали жить у нас тетя Рая, дядя Гриша и их дочь Аня. У них там не было ни дров, ни освещения, поэтому они переселились к нам. Около нашего дома росло много травы, мы рвали ее и делали из нее лепешки.

В начале мая мама очень сильно заболела голодным поносом. Я за ней ухаживал и думал, что она умрет, до того она была худая. Когда она болела, несмотря на голод, в рот ничего не брала. Весь паек, который она получала, съедал я. С большим трудом я ее выводил.

Дядя Гриша решил больше не скрывать от папы, что умерла его сестра, и рассказал ему об этом. Зимой, когда она умерла, мы скрыли это от него. Папа весь день ходил, как отуманенный, и ругал меня за то, что я ему не сказал раньше.

Папа стал хлопотать, чтобы его завербовали на какой-нибудь завод, только подальше от Ленинграда. И его завербовали на сахарный завод в Батуми на Черном море. 5 июля он должен был сесть на поезд. Утром мы сложили вещи и повезли. Нам помогал мужчина с нашего завода. На поезд папа сел благополучно. Здесь ему дали 3 килограмма хлеба и тарелку каши. Он угостил меня и маму. Ровно год назад они отправляли меня в Пестово, но в тот год было более радостно на душе, чем сейчас. Настало время расставаться. Папа меня крепко прижал к себе, и мы горько заплакали. Мне было очень больно расставаться с ним, может быть навсегда. От мысли, что, может быть, я его больше не увижу, я еще крепче прижался к нему. Нас еле разняли. Мы с мамой пошли домой. Я часто оборачивался и видел, что папа все еще стоит на перроне и глазами провожает нас.

С этого дня я стал ждать от него писем. Он обещал, что, как только переедет Ладожское озеро, так сразу же напишет. Но писем от него не было. Разные мысли мелькали у меня в голове. Жив ли он? Как он переехал Ладожское озеро? Почему не написал? Может быть, он написал, а письма не дошли? На эти вопросы я не мог найти ответа.

Сохранилось единственное письмо отца, посланное в ту страшную зиму в центр города, в семью, где жили его мать и сестры. Вот оно:

«Мои родные! Снова вынужден обратиться к услугам почты. Гриша по телефону пролил луч надежды, что он приедет, и опять ни звука. Это и обидно, и печально в условиях Ленинграда. Так хотелось вас всех видеть, а особенно Гришу, о многом поговорить, но что же делать, если я без ног, еле дохожу до конторы с великими муками. Мой милый Гриша, ведь то, что ты просил давно готово и лежит у меня, а ты не звонишь. Как вы все живете? Как самочувствие?»

Хотя бы написали открытку. Как обходитесь с питанием, все ли вы выкупили за III-ю декаду? Я себя чувствую неважно, как и многие, ослабел крепко, а особенно подводят ноги. Женя также сильно начала сдавать. Кстати, можете ей звонить на коммутатор 58—79. Изик очень серьезно все переживает, приносит большую пользу в семье, исчезла шаловливость, и отпечаток этой серьезной действительности сделал его старше и опытнее его детских лет намного. Убедительно прошу звонить. Крепко целую, ваш Борис. 3/1 1942 г.»

Вторая эвакуация

Мы с мамой решили уехать куда-нибудь подальше от Ленинграда, потому что еще одну зиму мы не переживем. Тетя Рая с семьей уехала от нас к себе домой тоже готовиться к отъезду. 13 июля мы уезжали в Татарию к моей тете.

Утром мы погрузились в эшелон. В 12 часов дня уходит поезд. Мы едем. 14-го мы приехали к станции (позабыл, как называется), недалеко от Ладожского озера. Здесь нас на машинах отправили к Ладожскому озеру. Там мы пересели на катер. Мы с мамой сели около капитанской рубки.

Первый раз я на озере. Кругом вода, конца ей не видно. Волны окатывают с головы до ног. Рядом с нами идет другой катер, тоже с эвакуированными. Но вот виднеется берег. От берега на небольшое расстояние тянется деревянный мост. На мосту мы погрузили вещи в тачки и доехали до берега. Там пришлось стать в очередь и ждать, пока подъедет машина. Наконец, часам к двум, сели в машину и она тронулась. Мы едем по берегу Ладожского озера. Мимо мелькают деревни и склады с продовольствием, которое увозят на катерах на другую сторону озера. Часам к пяти мы приехали на место и выгрузились около железной дороги, где должен был остановиться эшелон и погрузить нас. Мама пошла за пайком, и вернулась только когда наступили сумерки. Кормили нас здесь очень хорошо, так мы ни разу не ели за всю зиму. Ночь переночевали на вещах под открытым небом. Рано утром, когда еще не совсем рассвело, погрузились в вагон, и часам к десяти поезд тронулся.

В Тихвин приехали утром и простояли целый день. Здесь нас тоже очень хорошо кормили, но дальше стали кормить хуже. 16 июля мы приехали в Канаш, город в Чувашской АССР. Дальше наш поезд не пошел. Нам сказали, чтобы мы выгружались, завтра за нами приедут подводы, и что мы будем работать в колхозе в Чувашской АССР. Но здесь мы выгружаться не хотели, и мама стала хлопотать, чтобы нас перевезли в Казань, а оттуда мы как-нибудь доберемся до моей тети.

Ночью мы с трудом погрузились на пассажирский поезд, потому что он был полон народу, и нас не хотели пускать. Мы кое-как устроились, и я уснул на вещах. Проснулся ночью и сильно удивился: когда мы сели в вагон, то он был до того полон народа, что некоторые стояли, негде было сесть, а теперь одни мы остались на весь вагон.

Утром приехали в Казань. Шел дождь. Улицы были грязные. Город мне показался пасмурным, некрасивым. К нам подъехала машина, чтобы отвезти нас на пристань, к пароходу. Вот мы на пароходе. Вещи разместили на палубе. На пароходе нам было очень хорошо, кормили неплохо. Так бы ехал, ехал и ехал, и нигде бы не слезал, но через двое суток мы приехали в Челны. Там мы случайно нашли подводы из села Шуган, они привезли сюда соль. Бригадир согласился нас довести до Шугана. Ночь переспали в Челнах и рано утром выехали. Трое суток мы ехали. 29 июля приехали в Шуган.

Мы въехали в небольшое село, но в Муслимовском районе (к которому относился Шуган) оно считалось большим, так как были деревни по 30—50 домов, а в этой около 300. Нам указали на дом, в котором жила зубной врач, моя тетя. Подъехали мы к красивому одноэтажному деревянному дому с пятью большими окнами. Тети дома не было, встретил нас мой двоюродный брат Моня и хозяйка дома. Люба, сестра Мони, умерла в Шугане от сахарной болезни.

Отдохнув несколько месяцев, мама стала работать в колхозе, а я все лето бегал с ребятами, с которыми успел тут подружиться. Ловили рыбу, ходили на горы за ягодами, лазили в огороды за огурцами и морковью. Лето я провел очень хорошо – отдыхал от прошедшей зимы.

ШКОЛЬНЫЙ ДНЕВНИК Деревня, 1942 – 1945 гг.

Село Шуган стояло на холме. Весной, когда разливались реки, луга и деревья у подножья Шугана затапливало водой. Я любил забираться на деревья и смотреть, как мирно колышится вода, заодно и готовился к экзаменам. В конце мая мы засеяли для себя огород. Еще зимой мама стала работать воспитательницей в Ленинградском интернате в дошкольной группе. Я вместе с ребятами интерната ходил работать в колхоз. Работал на сенокосе, на горохе.

Как хорошо работать на сенокосе! Наложат бабы воз сена, ляжешь на него спиной и лежишь, наслаждаешься запахом душистого сена под горячими лучами солнца. Потом его нужно отвезти.

На горохе работать было труднее. Пыль. Как начнешь его топтать, чтобы больше поместилось на воз, солома больно колется. Дороги тоже были плохими, и иногда воз вместе со мной падал. За каждый день такой работы мне платили по полтрудодня, а иногда по целому, смотря сколько свезешь возов. За все лето я заработал трудодней 16 – 18.

Зимой в Шугане начался голод. Конечно, голодали не все, но самые бедные даже опухали от голода. Мы не голодали, так как собрали с огорода много картофеля. Картофель здесь был очень дорогой, и его у некоторых не было, поэтому они и голодали. Не было также и хлеба. От чего уехали, к тому приехали.

В апреле, когда сошел снег с полей, мы с Монеи стали ходить за пшеничными колосками, которые остались на поле с осени. После экзаменов я решил идти в колхоз на прополку, так как дома мне делать было нечего. До сенокоса я иногда работал на интернатском огороде.

А когда было свободное время, ходил за прутьями и плел корзины.

Перед собой я поставил две задачи, которые должен выполнить за лето: научиться плавать и ездить на лошади. Каждый день я ходил купаться, и уже немного научился плавать.

16.06.44 г. Проснувшись утром, я оделся, помылся (иногда я умываюсь до пояса, а теперь нет, потому что купаюсь в речке) и сел завтракать. Сегодня мы спали на полу, так как отняли кровать. После завтрака я закончил копать свой огород. У нас с мамой огород в 5 соток засеян картошкой. Перед обедом я читал «Кюхлю». В Шугане, когда есть у меня свободное время, я читаю.

18.06.44 г. После завтрака я пошел на базар к моей маме, которая продавала наши вещи для того, чтобы нам пропитаться. С базара мы с братом, взяв небольшую тележку, отправились в рему за прутьями, так как дров у нас не было, и не на чем было сварить обед. Перед тем как уехать, мы выкупались в речке, и сейчас нам было не очень жарко. Мы стали рубить прутья и складывать их на тележку.

19.06.44 г. Сегодня мы решили выбивать из коровьего назему кирпичи, тоже для топки, как это делали многие в Шугане. Мы начали после завтрака и до обеда сделали 130 штук. После обеда и вечером я играл с ребятами в рюхи. Хотя в Шугане бегаешь, играешь, отдыхаешь, купаешься в речке, но все равно хочется домой, хотя и знаешь, что ничего лучшего в Ленинграде не предвидится.

28.06.44 г. Сегодня я за все время моего проживания в Шугане ходил с братом в районный центр Муслимово, что в 12 км от Шугана – нас вызывал военкомат. Из дома мы вышли в 7 утра, и пришли к 10.

С первого взгляда Муслимово мне очень понравилось: много деревьев, и одно это придавало ему красивый вид, ларьки, в которых продавали морс, двухэтажные дома, от которых я уже отвык. Мы сразу же пошли в военкомат, и нам там сказали, что будем участвовать в двадцатикилометровом походе, в который будут входить игры, наступление, переползание. Мы в военкомат пришли босиком, так как иначе было нельзя: ночью шел дождь, и все дороги были

размыты, да и в ботинках было нельзя, потому что натрешь ноги от долгой ходьбы, а лаптей не было, так что мы не знали, что делать. Но помощник военкома отпустил нас домой, и мы ушли с его разрешения. По дороге мы встретили татарина с лошастью, который за кусок хлеба довез нас до Шугана.

1.03.45 г. Сейчас, когда я пишу это, я сижу дома, а на улице завывает ветер и ключьями валит мокрый снег, так что на лыжах не покатаешься, да и идти некуда, поэтому хочется в город, в свою квартиру, на Охту, посмотреть, как и что, какие знакомые ребята живут там, и вообще припомнить все-все старое.

Недавно привезли сюда картину «Под Сталинградом», и я ходил ее смотреть. Пять рублей – и я в клубе. Народу полным-полно, ведь кино в Шугане – большая редкость. Картина немая, поэтому надо читать, а так как я близорукий (в то время у меня была болезнь глаз – трахома) и стоял на почтительном расстоянии, то я ничего не видел и просил читать стоящего рядом мальчика. После 1-й части перегорела лампочка и механики полчаса возились с аппаратом. Но, наконец, кино окончилось, и народ с шумом повалил на улицу. Кино здесь весьма редкое событие, поэтому в школе на другой день только о нем и говорили.

Приближаются майские праздники, и на шуганской сцене я буду выступать в какой-нибудь пьесе. Первый и второй год в Шугане я глядел на сцену, а в третий год сам выступаю. Например, в Новый, 1945 год, я играл в сказке Пушкина «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» старшего богатыря. К 23-му февраля, дню Красной Армии, в пьесе Гоголя «Женитьба» – Яичницу, к 8-му марта еще в какой-то пьесе.

Хотя сегодня и 1-е марта, а стоит зима, дуют холодные ветры, снег даже не думает таять. Здесь вообще зима холодная, а ветры дуют такие, что иногда крыши домов слетают. В 1-й год моего приезда было столько снега, что он лежал до вершины заборов в несколько метров, а когда растаял, то образовалось такое огромное половодье, что все луга от гор до села были залиты водой, а по улицам нельзя было пройти без сапог. Сейчас все с нетерпением ждут весны, потому что дров осталось мало, да и по другим причинам.

8.06.45 г. Вчера у нас проходило выпускное собрание учеников четвертого, пятого и шестого классов. Учителя говорили, что не надо быть лентяем, себялюбивым, эгоистом, а надо быть патриотом, помогать в беде другим, помогать дома родителям, а по учебе задавать учителям не книжные вопросы, а если они не сумеют ответить, то искать знания самому. А если родители отстали от жизни, то учить их жить по-новому, так как новое поколение должно знать больше своих родителей, воспитывать в себе самые лучшие качества: упорство, старательность, не бояться опасностей, всегда идти вперед, не жалеть себя для построения коммунизма, больше ходить в кино, театр, читать книги, и особенно учиться, потому что без образования нельзя быть настоящим строителем коммунизма. Мне эти слова глубоко запали в память. Я хочу и буду добиваться быть таким, как и говорили учителя.

С тех пор как папа уехал из Ленинграда, я от него не получал писем и не знаю где он. Очень много писем я послал в Бугуруслан, где находится справочник местожительства всех людей СССР, но мне отвечали, что никаких сведений они не имеют, кроме того, что он выехал из Ленинграда 5 июля 1942 года, а куда приехал, не знают. Как мне хочется, чтобы он был сейчас со мной, как хочется с ним душевно поговорить, но, наверное, это одни мечты. Он, когда уезжал, был очень слаб и мог не выдержать трудного переезда.

В то время, когда мы еще были в Ленинграде и голодали, нам материально помогал мой дядя Борис. Он состоял на военной службе по защите Ленинграда. Когда ему выдавали паек, он часть приносил нам. Он очень помог нам этим. Может быть, благодаря ему мы и выжили.

В начале июня директор интерната привез из Казани радостную весть о том, что мы, то есть интернат, уезжаем в начале июня, числа 13 или 14. Надо готовиться к отъезду, а между тем хочется пожить в Шугане еще лето. Мы уедем, так и не дождавшись ягод (а их здесь очень

много), сенокоса, уборочной кампании. Хочется поработать на полях, вдоволь накупаться, а пока я хожу в рему за прутьями и плету корзины.

Город, 1945 – 1949 гг.

29.11.45 г. После возвращения в Ленинград мы с мамой поехали туда, где жили раньше – в нашу комнату. В ней уже жили другие люди, но нам разрешили взять наши вещи, папину скрипку и фисгармонию. Нас приютил дядя Борис в своей комнате на Некрасова, 60. Там же жили Мотя с тетей Зиной и вернувшаяся из эвакуации мамина сестра тетя Лиза со своим мужем.

Первое время после возвращения в Ленинград я бродил по улицам, осматривал город. На другой день сразу же пошел в кино и с тех пор постепенно просматривал все картины. Погода стояла великолепная. Дома не сиделось. Был на выставке «Героическая оборона Ленинграда», в различных садах, особенно часто на стадионе и ЦПКиО. Сразу стал одним из футбольных болельщиков. Редко пропускал игры. Читал мало, не до книг. Постепенно стал театралом. Игра артистов мне очень нравилась, не то, что мы в Шугане. Увлёкся шахматами, доставал шахматные книги, прочитал Капабланку, Левенфиша и много других, но все же редко обыгрывал Меньку.

Но наконец наступил день, когда надо было идти в школу. Школа мне очень понравилась, все классы были чисты, отделаны, ребята были дружные, сплоченные и, главное, чего я не ожидал, не антисемиты. Ребята моего класса тоже недавно вернулись из эвакуации. Это был 7^б класс, из приехавших. Сразу же в классе пошла возня, борьба, как в Шугане, новые покрашенные стены плакали – они были биты.

5.12.45 г. Раз в неделю посещаю театр и кино. Интересуюсь книгами, но времени не хватает, много уроков. Записался в две библиотеки. Читаю книги «полезные» – Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Начал читать Байрона, но мне не понравилось. Увлёкся Перельманом. Читаю его «Занимательную физику» и «Занимательную математику».

Открылось множество кружков – шахматный, гимнастический, конькобежный, лыжный, драматический и другие. Глаза разбегаются. Хочется поступить во все разом. Время несется быстро. Ложусь спать каждый день не раньше 12, встаю в полвосьмого, так как к восьми в школу: будет зарядка, потом завтрак. Некоторое время занимаюсь шахматами, но потом бросаю. Поступил в гимнастический кружок для укрепления здоровья, а это первое дело. Начинаю интересоваться музыкой. Хочу быть, как папа – музыкантом, но в кружок меня не принимают. В драматический тоже расхотелось. Одни только книги не бросаю, продолжаю ими увлекаться. Прочитал «Республику ШКИД», понравилось. А что если мне самому начать издавать журнал? Возьму себе кого-нибудь в помощники.

30.12.46 г. Этим летом я уехал в пионерлагерь в бывшее финское село Келломяки на берегу Финского залива на Карельском перешейке. Село красивое, ребята дружные, жизнь хороша. Целые дни играли в волейбол, футбол и другие игры, собирали ягоды, купались в Финском заливе. Вечерами под аккордеон иногда танцевали. Кстати о танцах. Это случилось спустя несколько дней после приезда в лагерь. На даче девочек заиграл аккордеон, и мальчики пошли туда танцевать. Пошел и я. Одна из девочек подошла и пригласила меня. Она стала учить меня танцевать, чего я не умел. Она мне понравилась. Это была девочка

16-ти лет, довольно красивая, с черными волосами, бровями и глазами. Она звонко смеялась, щуригла глаза и показывая ряд мраморных зубов. Кажется, я ей тоже понравился. На танцах она всегда танцевала только со мной, в играх всегда выбирала меня, писала записки, предлагала ягоды.

У нас в лагере мальчики имели обычай предлагать дружбу девочкам. Я долго не осмеливался, но потом решился. Она мгновенно согласилась, как будто ждала этого, и сказала, что отказала бы всем, кроме меня. Это что-то да значит! В этот вечер мы долго разговаривали, стоя в стороне от всех, – о дружбе и о том, как надо дружить. С этого дня мы стали близки друг

другу. После костров вечерами мы шли домой вдвоем, разговаривая, счастливые. Часто обменивались книгами, поддерживая связь. Хотя однажды поссорились, но быстро помирились.

В Ленинграде я звонил ей, назначал свидания, мы встречались. Она говорила преимущественно о себе, о том, что у нее много знакомых мальчиков, что они устраивают вечера, о многом другом. Я больше молчал, не зная о чем говорить. Ее звали Леся Некрасова. Редкое имя. Жила она далеко от меня.

Началась учеба, наши встречи прекратились. Звонить ей очень трудно, ее часто не бывает дома, часто она не слышит меня, да и я ее. Надо выходить из положения. Я написал ей письмо, довольно глупое, даже сейчас раскаиваюсь, потом второе, не менее глупое, в котором послал ей свое стихотворение о любви. Она не ответила. Я бы хотел с ней переписываться. Но что поделаешь? Вот и кончился мой маленький первый роман. Чуть закаленный, с небольшим опытом вышел я из него.

10.06.47 г. Прошло уже почти два года, как я вернулся в Ленинград. Я хочу вести дневник, чтобы понять самого себя. Мне хочется понять, как может измениться человек за год. Ровно год тому назад я вскапывал огород из нескольких соток в Автово, что выделили маме. Сейчас, копая снова, я хотел бы вспомнить, что я думал, и какие у меня были мысли год назад.

Мне очень недостает «духовника», не с кем посоветоваться, поговорить. В книгах только указывают на пороки, не говоря как их излечить. Так и люди. Любят поучать, хотя и знают, что слушателям это не нравится. Каждый хочет быть самостоятельным. Говорят, что я самоуверен: «Не надо быть таким самоуверенным». Хорошо, а как это сделать?

5.07.49 г. Пройдены 19 лет жизни, окончен 10-й класс. Теперь подведем итог. А он мне не нравится, ведь за 19 лет очень многое можно сделать в смысле дел и знаний. Мог бы достичь гораздо большего. Во мне нет уверенности в себе, в своих силах, без чего очень трудно жить. Я однообразен и скучен даже самому себе. Кроме того, у меня нет особого интереса к чему-нибудь, меня интересует все, то есть ничего.

У меня даже нет цели в жизни, у меня множество мелких целей, но основной цели жизни – нет. Правда, есть мечта, но я никому, вернее, редко кому говорю о ней. Моя мечта – стать писателем. Но я понимаю: для того чтобы быть им, надо много знать, знать жизнь, надо быть наблюдательным и волевым.

Я не нашел для себя подходящего института, да и в самом деле, какой я мог найти, если меня интересует литература и все остальное понемножку. Но что-то выбирать нужно. Я много перебрал и остановился на радиотехническом факультете Электротехнического института им. Ульянова (Ленина). Я выбрал себе красивую «жену», но не знаю, долго ли мы проживем с ней вместе.

Возможно, я проживу в Ленинграде 5 лет, пока буду учиться. На эти годы у меня большие виды, большие надежды. Говорят, что самые лучшие годы – школьные, но я не согласен. Я хочу, чтобы самые лучшие мои годы были институтские.

За эти 5 лет я должен многое прочитать, закалить себя в физическом отношении, а главное, в моральном – воспитать (пока не поздно) волю и уверенность в своих силах. У меня много желаний, но единственный способ не желать – это исполнять свои желания.

Без цели трудно жить. Отсутствие целей порождает лень, праздность, безволие и порочность. Для того чтобы быть волевым, нужно исполнять то, что задумал. А чтобы исполнять, нужна цель. Те пять лет, которые я проведу в институте, нужно не потратить зря, даром. Нужно выработать общий пятилетний план развития и восстановления. Основными его пунктами являются: закалить себя в физическом и моральном отношении, стать культурным и широко образованным человеком. Для этого нужно много работать с собой и над собой. 1-я заповедь: исполняй все то, что задумал, несмотря ни на какие преграды, ни на что. Это самое главное. Для этого нужна воля. Итак, воля и еще раз воля! Ум и знания можно приобрести всегда, волю надо воспитывать.

2.10.49 г. У меня неровный характер: я то вспыхиваю, то остываю. Иногда мне кажется, что все чудесно, что жизнь очаровательна, что жить хорошо, иногда на меня нападает страшный пессимизм. Зачем жить, в чем смысл жизни вообще и моей в частности, зачем я живу? Чтобы быть таким, как все? Вот повзраслею, буду таким, как все: средним, неинтересным, буду потихонечку работать, женюсь, появятся дети и прочее. То есть жить так, как все, то есть повторить предшествующих мне людей? Скука! Ведь зачем-то я живу на свете. Ведь неужели все мы родились на свет только затем, чтобы повторить предыдущих людей и народить других, чтобы они повторили нас? Скучно!

Иногда мне кажется, что жизнь очаровательна, что жить прекрасно. Я готов тогда восхищаться всем – от книжных страниц до тончайших узоров на зданиях, восхищаться людьми. Тогда становишься сильным, хочется бороться, жить.

Во мне много рабской и рыбьей крови, во мне много ложной робости, трусости, нерешительности. Я должен с корнем вырвать из себя тщеславие и робость. Нужно, чтобы слова не расходились с делом. Я не знаю, кто я, что из себя представляю. Нужно жить, нужно больше верить в себя, в свои силы.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

17.12.49 г. Скоро мне 19 лет. Чего достиг я за эти 19 лет, что умею, что знаю? Знаю очень мало, а не достиг ничего, кроме отвратительного мнения о себе и людях. А, присмотревшись вокруг внимательнее, вижу, что есть люди гораздо лучше меня, умней и красивей. Я не остроумен, что плохо, у меня тяжелый, мрачный характер человека, который не нашел себя в жизни, своего места, своей роли. Я честен, но не искренен. Я или совсем не схожусь с людьми (поэтому одинок), или схожусь накрепко, что редко. Не ладятся у меня отношения с людьми, с ребятами еще туда-сюда, а с девушками еще хуже. Это из-за одностороннего взгляда на вещи. Вместо того чтобы шутить и веселиться, я мрачен и скептичен, очевидно, из боязни оказаться в неловком положении.

Я много читал о сильных, героических людях, способных жертвовать жизнью ради идеи, а слышу глупые разговоры, плоские шутки, не вижу ничего героического в своих знакомых, только пошлое, мещанское, обыкновенное, жалобы на трудности. А ведь я вижу, что не умеют люди правильно распределять свое время (да и я тоже!), от чего зависит успех в работе, что люди не так тупы, как ленивы, а лень – мать всех пороков. И это очень-очень правильно. Значит, нужно в первую очередь бороться с ленью подлой. А ее много во мне, и от нее, очевидно, идут все мои пороки. Я представляю свое будущее неинтересным. Закончу с грехом пополам институт, получу диплом, зашлют меня куда-нибудь в Новосибирск, женюсь там не по сильной любви (чего мне сейчас очень хочется – это настоящей, сильной, большой, глубокой любви), буду заниматься совершенно неинтересным делом, браниться с женой, людьми, директором завода, читать героические книжки, восхищаться героями и ничего не делать!

А как сделать так, чтобы жизнь была красива? Как?

23.12.49 г. 1 ч. 30 мин. ночи. Итак, мне минуло 19 лет. Я хочу спать, у меня завтра, то есть сегодня, зачет по химии. Хочу сказать, что очень недоволен как собой, так и своим поведением (гордость, зазнайство), отношением к людям (эгоизм, самомнение). За год можно много сделать, если по-настоящему захотеть, захотеть не на красивых словах, а на деле, захотеть и иметь волю и характер выполнить все это. Ведь это так хорошо, черт побери, когда ты относишься тепло к людям, они тебе платят тем же, и ты кажешься сам себе лучше и красивее. Хорошо, а?

26.03.50 г. Как я сейчас живу? Если посмотреть на меня сбоку, то вообще ничего, даже неплохо. Имею 1-й разряд по шахматам, неплохо занимаюсь гимнастикой, вообще увлекаюсь и другими видами спорта: лыжами и коньками, волейболом и легкой атлетикой, плаванием.

Каждый вид что-то дает, как-то развивает. Я люблю спорт, и мне кажется, смогу добиться неплохих результатов.

В шахматы я стал играть с 7 – 8 класса. Увлекался ими очень сильно и серьезно, буквально не вылезая из шахматного клуба Дворца пионеров, а если вылезая, то с головной болью. Шахматы поглощали почти все время, заниматься самообразованием не оставалось времени. Шахматы беспредельно господствовали в моей жизни, но еще я немножко увлекался спортом и много читал. Понемножку учился. Вот и все. Хотя в шахматы я играю теперь не очень сильно, но благодаря им я получил умение составлять план, понятие о расчете, дальновидность, интуицию, умение бороться, силу воли, понятие об инициативе и многое другое. Что мне нужно было взять от шахмат, я взял, теперь играю понемногу, отчасти потому, чтобы не терять спортивную форму, чтобы проверить и тренировать эти качества и, вообще, просто потому, что я их все-таки люблю. Поступив в институт, я занялся другими видами спорта, особенно гимнастикой.

Меня интересует все, что творится в мире, все, что творилось и что будет. А прочесть об этом, изучить это нет никакой возможности – в сутках 24 часа. Стараюсь ложиться попозже, спать поменьше, много читать, беллетристику пока бросил, за некоторым исключением, и счи-

таю это правильным – нужно сначала поумнеть. Поэтому занимаюсь искусством, литературой и историей мира. Начал с Древнего мира, с антики. Это очень интересно, много дает. Посещаю Эрмитаж. Читаю различные философские книги. Жду с нетерпением лета, когда можно будет засесть в Публичке с утра до ночи и, портя глаза, читать, конспектировать, думать. Как Мартин Иден, любимый идеал. А пока нужно заниматься, сессия на носу, без стипендии сидеть очень не хочется. А сказать честно, не люблю я ни то, что сейчас изучаю, ни то, кем я буду в дальнейшем – простым инженером, работающим где-нибудь на заводе в Саратове, жена, дети, мелочи жизни. Очень не хочется быть таким, как все. А как жить иначе?

Вот меня и тянет на Кавказ, в Крым, да куда угодно. Предложите мне на плохих условиях поехать куда угодно, хоть на остров Диксон, на время, я с удовольствием поеду. Мир огромен, а я живу в своей дыре, изучил ее досконально, она уже скучна мне и противна, хочется бежать в другие места, видеть других людей. Ах, как хочется. Вот я хочу записаться в кружок альпинистов, чтобы иметь хоть маленькую возможность, хоть ненадолго попасть на Кавказ, я записался бы хоть в чертов кружок, лишь бы превратил он меня в Вечного Жида, нет, не в вечного, а так, на год – другой, чтобы я полетал, походил по земле, заглянул бы в самые отдаленные ее уголки, и узнал, как живут люди, чем они дышат, о чем думают, о чем мечтают.

Иногда мне хочется писать стихи, но слова или застревают в горле, или выходят какими-то неуклюжими, чужими. Но есть песни, и я их пою. Когда едем куда-нибудь в поезде, я не могу сидеть в вагоне, меня тянет на площадку, на ветер. Дикими и непонятными кажутся мне ребята, играющие в душном вагоне в «козла».

Работа от института на стройке ГЭС под Выборгом летом 1950 г.

Нахожусь в доме отдыха ВЦСПС в Сестрорецке на станции Курорт. В институте дали путевку за двухмесячную работу на строительстве ГЭС, где я работал в июле и августе в восьми километрах от Выборга. Теперь буду отдыхать 12 дней, а потом, чего очень не хочется, за учебу. Эти два месяца прожиты хорошо, впечатлений масса. Попробую их изложить.

Давно мечтал о работе на ГЭС. Ведь по-настоящему физически я не работал вот уже лет 5, а работать хотелось страшно, попробовать, узнать каков я, выдержу ли. Ждал сильно. Ставил две задачи: первая – закалиться физически, стать сильным и выносливым, стараться работать в полную мощь, не сдаваться. Вторая задача сложнее: закалить себя морально, душевно, закалить характер, волю, изменить свое неверное отношение к людям, жить не в одиночку, а в коллективе, быть всегда с ребятами. В итоге – стать сильным физически и морально.

Итак, я сдал экзамены, сдал хорошо, получил долгожданную стипендию, оформил в институте все дела, потом решил отдохнуть дня два, запастись книжками, которые на стройке буду читать (до чего же я был наивным, хотя и продолжаю оставаться таким до сего времени, что является одной из отрицательных моих черт; наивность – следствие незнания жизни).

В день отъезда приехал в институт и начал работать с этого же дня. Послали разбирать сапоги, грязные и рваные, купленные за 25 копеек пара у армейцев. Потом ездил на машине на завод за колесами к тачкам. Был на заводе впервые и с любопытством и изумлением глядел на огромные цеха, освещенные солнцем, полные шума, грохота железа, рева машин. Разнообразные по конструкции, блестящие под лучами солнца, падающего на них, станки возмущенно гудели, выплевывая железную стружку. Около станков сустились люди, заправляя детали, подливая масло, регулируя ход и работу станков. Мы забрали 80 колес и уехали. Затем грузили лебедки, инструменты, сапоги, отвозили все это на вокзал и там погружали в товарный вагон. И к первому часу ночи, разместившись в тесном вагоне, тронулись в путь. Ехать предстояло километров 150 ночью по Карельскому перешейку.

Света нет, но пытаюсь разглядеть своих соседей, знакомых у меня немного – моя группа институтская и еще кое-какие ребята. В соседнем купе собрались исключительно парни, играет аккордеон, поют чисто студенческие, в основном низкосортные или просто похабные песни, читают рассказы, грязные стихи, анекдоты, крики, смех, хохот. Девчонок и близко не подпускают к нашему вагону. Я втиснулся в толпу поющих, слушаю, наблюдаю. Нужно знать все из любой сферы жизни, разных людей, знать песни, анекдоты, – словом, жизнь, какова бы она ни была, худой, уродливой, но это жизнь, и знать ее нужно. Но жизнь, конечно, не песни и анекдоты, я стараюсь понять этих людей, эту сторону их жизни.

Мерно и четко колеса стучат, Песня эта смолкнуть не успела,
Поезд несется вперед. Новую выводит гармонист,
Звучит гармонь и хор ребят Ярko, с переливами, умело
«Бигл допл» поет: Будто не студент он, а артист:
«Шел веселый паренек «Сижy и целу ночь скучаю,
Не жалел своих сапог, И холодно, и грустно мне,
Веткой вслед ему махал топл». А струйки мутные
Так медленно стекают,
Но с силой вдруг, меха распустив, За воротник и по спине». Тряхнул гармонист головой,
И хор подхватывает мотив Но вот, врезаясь в смех и гам,
Веселый, колючий, живой: Играет новую песню нам:

«Холостой, покуда не женился, «Сан-Луи горит в огне реклам,
Не узнает, что такое ад, И буги-вуги играют джазы там».
Что такое бешеная львица
И откуда у гадюки яд».

В вагоне тесно и темно, за окном черными силуэтами мелькают деревья, телеграфные столбы. При свете фонариков играем в карты, шахматы, поем. Некоторые спят вповалку на вещах, на чем угодно. Мне спать не хочется, выхожу из вагона и сажусь на подножку. Прячась за угол вагона от холодного пронизывающего ветра, смотрю на проносящиеся мимо поля, леса, луга. Изредка мелькают темной массой огромные карельские валуны. Становится жутко от мрачного бесконечного леса, уныло однообразных картин спящей природы. Но вот вдали на горизонте появляется красная полоска, от которой становится как-то тепло на душе и веселее. Эта полоска расширяется, разрастается, красный свет просыпающегося дня заливает добрую часть неба. Наконец из-за деревьев появляется диск солнца и оно, победно завоевывая каждый кусочек неба, посылает бесконечные улыбки всему земному.

Но вот подъезжаем к Тиенхааре, поезд останавливается, мы вылезаем из вагонов, довольные, что приехали, греемся на солнце, смеемся. Дом наш издали напоминает разрушенное сгоревшее здание без штукатурки, с торчащими кирпичами, внутри – обыкновенный сарай. В 4 ряда от стены до стены тянутся нары с узкими проходами. Размещаемся, набиваем матрацы соломой, идем осматривать местность. Местность красивая, кругом лес, сады, огороды. Недалеко протекает река.

Назавтра, чуть взошло солнце, в 6 утра нас разбудил дежурный, и мы пошли на работу. Сначала наша бригада работала с 6-ти до 3-х в первую смену, затем с 3-х до 11-ти во вторую. Завтрак и ужин привозят на машине. Красивая картинка: солнце уже или еще палит, на полянке сидят человек сто студентов кучками по десять человек и жадно уплетают кашу, хлеб, чай. Всем весело, шуток неисчислимое количество, из-за деревьев улыбается солнце, глядя на нас.

Я приехал на стройку, мало зная и понимая, что такое физический труд, но с твердым желанием работать в полную силу, по-настоящему физически уставать до боли в мышцах. Мне казалось, что все будет хорошо, что мы будем дружно работать. Но как-то сразу начали скальзываться недочеты, неувязки, простои. Часть нашей академической 944 группы организовали в бригаду. Бригадиром был Ханин. Собрались в бригаде какие-то «маменькины сынки». Они боялись всего – грязной работы, тяжелого лома, мокрых сапог. Каждый старался делать работу полегче, побольше отдыхать. Бригадир не слушался, был настоящий бардак, склоки, каждый старался показать себя, навязать другим свое мнение. Бесконечная ругня и ссоры отбивали желание работать. Очень не хочется вспоминать о днях работы в этой бригаде, где каждый делал, что хотел. Ханин болел несколько дней, и я его замещал. Противно вспоминать об этих днях. Ребята не хотели работать, устраивали частые перекуры. Я несколько раз чуть не подрался. Так, на завтрак отводится 30 минут, они же завтракают 45 минут, потом сидят, переваривая, еще минут 10. Злюсь страшно, а им смешно. Поворачиваюсь, иду один, тогда они нехотя поднимаются тоже и тянутся за мной. Не успев прийти на место работы, они снова садятся отдыхать. Теперь я понимаю, что отчасти был и я виноват – неправильные методы, кричал, ругался, а надо было действовать спокойно, но твердо. Я понимал это, но никак не мог измениться. Не понимаю, как это можно – быть 20-летними парнями и не любить, не уметь работать, не жаждать стать сильными и выносливыми. «Тряпки вы, с вами ли строить коммунизм?» – ругал я их.

Работать и дальше в такой обстановке мне не хотелось. Поэтому я плюнул на них и перешел в другую бригаду. Изредка забегал к своим, помогал чем-нибудь, завтракал с ними, но работал отдельно.

Я старался делать на стройке как можно больше работ, чтобы расширить свой кругозор, старался вникнуть глубже в каждую работу.

И это мне удалось. Не было на стройке такой работы, какую я не делал бы. И я почти доволен собою, поработал я хорошо. Я работал лопатой: рыл землю для опор под трубопровод (очень грязная и трудная работа, ибо земля перемешана с гравием и камнями, яму все время заливает водой, «лягушка» откачивает плохо, вода, размывая землю на лопате, очень мешает и т. д.), очищал от разного хлама отводной канал здания ГЭС (работа ведется под зданием, постоянно заливает из щелей ключевая вода, она холодит руки и ноги, днем там всегда сыро и темно), грузил и разгружал машины с песком и гравием (приятная работа – песок не тяжел и берется легко, работа идет быстро, 10—15 минут, и машина полна), нагружал тачки всем: песком, гравием, цементом, бетоном. Хорошая работа средней тяжести, однако к концу дня выматываешься основательно. Если дорога хорошая, то тачка бежит легко, если дорога по земле – напрягаешься до предела, до боли в мышцах, помогая даже коленями. Дорога средняя или плохая, и каждая тачка стóбит больших усилий.

Я возил на тачках землю, глину, гравий, песок, камни, цемент, бетон. Старался не отдыхать в промежутках, нагружал тачки сам или помогал нагружать. Бил бетон. В бригаде Финкельштейна, куда я перешел, разбивали кувалдами бетонные стены и колонны здания ГЭС. Бил недели две. Сила у меня была, и я считался одним из лучших бойщиков. Работа хорошая. Берешь тяжелую кувалду килограмм 8—10 и бьешь до боли в мышцах, пока работают руки, потом отдыхаешь, потом снова, и так далее. Однообразно, зато чувствуешь, как наливаются силой мускулы, становятся больше и крепче. Учишься точности удара, когда бьешь по зубилу. Кувалды постоянно ломаются, дерево не выдерживает. Я очень любил эти работы кувалдой. Как кузнец, бьешь по толстому арматурному железу, чувствуешь, как оно нехотя подчиняется твоей воле и, довольный, бьешь, бьешь и бьешь до усталости.

Носил землю и бетон на носилках. Руки оттягивает, ломит, но, сжав зубы, идешь и идешь, считая шаги. Помню и не забуду одни носилки: нес глину с Тоней Дрогайцевой. Наложили много, нести метров 30, иду и чувствую, что не донести, что вот-вот сброшу, но думаю: «Тоня же несет», и, сжимая зубы, сжав веки глаз, напрягаю волю, чтобы преодолеть боль в руках. Наконец донес и, довольный, что победил желание бросить и донес, радостный, что мышцы свободны, отдыхаю, идя назад.

Мне очень нравились эти силовые работы – возить тачки, носить носилки, рыть землю, бить кувалдой. Я проделал еще много мелких работ – по дню, по два, по три на каждую. Так, ставили стапеля. Носил бревна, их клали друг на друга, скрепляли скобами. Из плотницких работ я делал еще щит для цементного замеса, строил плоты, пилил бревна, доски, арматурное железо, разбирали стены, работал на лебедке, устанавливал, стоя по пояс в воде, треноги в реке для запруды. Делал цементные замеси для бетонирования – три ведра песка или гравия на ведро цемента и ведро воды. Через несколько минут танца с лопатой вокруг этой кучки замес готов.

Бетонировал, расшивал швы. Расшивка швов не тяжелая работа, но цемент сильно разъедает пальцы рук – надо смочить щели камнем, и, беря из ведра раствор рукой или мастерком, заделывать швы. Заливал насос, двигал трубопровод. Для этого почти все строители человек до 60 повисали на 4-х вагах. Две лебедки тянут по стапелям отрезанную часть трубопровода весом в 22 тонны и длиной 45 метров. Льет дождь, но мы, по команде повиснув на вагах, поднимаем трубу и передвигаем ее на новое место под крики, смех и дружные наши усилия. Это одни из лучших минут на стройке.

Еще ставил телеграфные столбы, носил воду для столовой, мастерил стол и скамейки для красного уголка, ездил в Выборг на машине грузить лебедку, тросы. Итак, я работал на стройке почти на тридцати видах разных работ. Разумеется, вместе с другими. И чувствуешь, как созда-

ется коллектив, как дружно и слаженно идет работа, без споров и отнимающих силы склок. Коллектив все-таки большое дело и создать его не так-то просто.

С людьми я сближаюсь трудно, но уж если сближаюсь, то надолго. На стройке я старался познакомиться со многими, если не со всеми.

Читал мало, старался не уединяться, а быть больше с ребятами, играл в домино, в карты (научился в преферанс), в шахматы, в волейбол, в городки, собирал ягоды, ходил в лес, загорал, купался. Особенно любил дежурить ночью. Заранее на ночь наколешь дров, наберешь досок и целую ночь горит костер, а ты любишься красотой летней ночи, мерцающими звездами. Тишина, лишь изредка застрекочет кузнечик в траве и где-то вдали залает собака. Огонь весело трещит, красные огоньки жадно лижут дерево, тлеют угли, тепло. Иногда сноп искр взвевается ввысь и тогда приятно смотреть, как во мраке разлетаются и гаснут искры, а снизу, словно на помощь в их общей борьбе с ночью, с мраком летят, кружась, еще и еще. Лежишь и думаешь о людях, о себе, о человечестве...

Любил слушать радиоприемник. Чувствуешь, что мир живет – в радости ли, в печали, что ты не один на земле. На разных языках говорят, играют, поют и, даже не понимая языка, я готов слушать долго, вслушиваясь в прелесть незнакомой речи. Люблю слушать музыку. Вообще колесико на приемнике кажется мне волшебным, малейший его поворот приоткрывает уголок жизни мира.

Несколько слов о Тоне Дрогайцевой. Чудесный работник, чуткий, отзывчивый человек. Вместе с тем исключительно скромная и даже немного застенчивая. Она превосходно работает, ни когда не отказываясь ни от какой работы, наоборот, жалуется, если работа попалась легкая или ее мало. Она в этом отношении любого парня нашей бригады затыкала за пояс. Когда нам требовался отдых, она продолжала работать. Даже мне, сравнительно сильному парню, трудно было с нею сравниться. На вид она не очень сильная, и часто я с удивлением и с восхищением видел, как она без отдыха возила тачки, или их нагружала, или била молотом не хуже любого парня. Она живет в общежитии, и ей часто приходится совмещать работу с учебой. Так, одно время она работала проходчиком в шахте на строительстве Ленинградского метро, где не всякий мужчина справляется с отбойным молотком.

А после этого еще шла на лекции в институт. Действительно, большая и трудная работа делает человека скромным. Она была в бригаде, состоящей исключительно из ребят, бригадиром. Я сейчас отдыхаю вместе с ней в доме отдыха. Она скучает, торопится с отъездом, читает книги. Серьезный человек, она не ходит на танцы и не умеет веселиться. Но твердо знает, что в этой жизни не пропадет.

Много, очень много хороших ребят было на строительстве, не жалеющих себя в работе, чутких товарищей. Так, Леня Андреев и Изя Райхберг были прекрасными организаторами, хорошо управляли своими участками, их уважали и слушались. Веселые и интересные в жизни, они были чутки к ребятам и нисколько не задавались. Стройка, как какой-то могучий горн, сожгла всю труху, слабую и себялюбивую, закалив еще больше сильных и скромных, умеющих, любящих и желающих работать.

11.10.50 г. Я замотался. Живу какой-то бурной жизнью, вертюсь как белка в колесе среди людей в постоянных заботах, хлопотах, тревогах, делах. Берусь за тысячи дел, силы чувствую необыкновенные. Если тебе верят, если у тебя что-нибудь получается – сердце пылает и ощущаешь столько сил, что, кажется, сделал бы любое невозможное.

Меня выбрали в курсовое бюро ВЛКСМ на культсектор. Появились сотни хлопот. Нужно организовать художественную самодеятельность, экскурсии в Эрмитаж, Петропавловскую крепость, Исаакий, театр и так далее, нужно организовать и провести диспут на литературную тему. Кроме того, я в бюро шахматной секции, надо организовать помещение и провести турниры. Сегодня записался в четвертьфинал первенства Ленинграда по шахматам, а это очень серьезный турнир. Также начнутся межвузовские соревнования по шахматам, первен-

ство института. Но этого мало. Я занимаюсь в гимнастическом кружке – нужно к январю получить третий разряд по гимнастике. А как не записаться в такие замечательные кружки, как философский, английского языка, хор или драмкружок, где хотят поставить пьесу? Нужно будет на смотре художественной самодеятельности что-нибудь почитать. Кроме того, я хочу вести шахматный кружок на нашем курсе. Одно время в начале года я с большим подъемом писал в нашу институтскую газету. Потом были собрания: курсовое комсомольское, факультетское, конференция, профсоюзное собрание, заседания бюро, вызовы в Комитет комсомола.

По воскресеньям хожу в Эрмитаж слушать лекции по искусству, прочел «Историю искусства» Гнедича, «Автобиографию» Грабаря.

Я наслаждаюсь повестями и рассказами раннего Горького, хожу в Эрмитаж раз в неделю, читаю книги по искусству и философии. Но ведь надо же и учиться. Я, правду говоря, не люблю ни одного нашего предмета, даже ненавижу некоторые, вроде теормеха, злюсь на себя – зачем я сюда пошел? Я люблю как раз те предметы, которых у нас нет, хожу в Публичку заниматься искусством, историей, философией. Тем не менее кашу я заварил большую, и мне самому интересно, как я ее буду расхлебывать, сумею ли справиться со всем этим. Попробую, ведь интересно!

Кажется, я сделал большую ошибку, что пошел в ЛЭТИ. Я бы с громадным удовольствием изучал искусство, живопись, литературу, философию, историю, логику, психологию. И делаю это. Каждую свободную минуту.

Как мне хочется быть художником, писателем, найти таких людей, которые понимали бы меня, с которыми мне было бы не скучно, любящих и ценящих искусство, умеющих поспорить и повеселиться, свободных ребят и девушек! Но я скромн и застенчив, хотя честолюбив и тщеславен, плохо сближаюсь с людьми, особенно с девушками, а мне кажется, что я мог бы быть хорошим товарищем и смог бы по-настоящему любить!

А годы проходят, все лучшие годы. Как найти свое призвание, как стать счастливым?

20.11.50 г. Боюсь правдивости пословицы «кто за все берется, тот ничего не умеет». За слишком многое взялся я. Пожалуйста, говорит внутренний голос, тебе предоставлена замечательная возможность проверить свои силы, велики ли они, на многое ли ты способен. И мне самому интересно это. Уйма дел, забегаяешься, закружишься, и хорошо: познакомишься со многими людьми, мало думаешь о себе, но плохо, что перестал писать лекции (не все, правда), не все успеваю сделать, некоторые вещи делаю плохо. Вот этого надо бояться. Такой соблюдать закон: если что делаешь, делай хорошо! И если подумать, то это исключительно важное в жизни правило (в моральном смысле). И если уж ты, голубчик взялся за дела многие, то, пожалуйста, разбейся в лепешку, а сделай их хорошо.

Еще одного боюсь – вымотаться. Но это не так страшно. Более страшно разменяться на мелочи, жить бессвязно, подчиняясь лихорадке жизни. Берусь за многое, но ни за что в серьез.

Сейчас важно побольше узнать о людях, о жизни. Я хочу заниматься во многих кружках, постепенно меняя их, беря от них все, что они могут дать. Сейчас задача – работая, поменьше думать о себе, быть твердым, решительным и, главное, целеустремленным. Стараться иметь ясный ум, и иметь обо всем свое мнение. С другой стороны, правильно сказано кем-то:

«Бей в барабан и не бойся!
Целуй маркитанку звучней.
Вот смысл глубочайший науки,
Вот соль философии всей».

Смотреть на жизнь не хмурясь, не скептически, а весело, энергично, а жизнь и люди будут отвечать тем же, и тогда все будет хорошо.

26.03.51 г. Я не знаю ни одного предмета как следует. Учусь халтурно. Ни одного домашнего задания не выполняю сам – скатываю, кроме обязательных, лекции пишу не все. Это сказывается на экзаменах – два в эту третью сессию я сдал на тройки, то есть остался без стипендии, но потом, с величайшим трудом, удалось их пересдать. Но эту сессию чувствую, также не сдам. Постараюсь, конечно, но не сдам. Утешаю себя мыслью, что буду лучше учиться на 4 и 5 курсах, уже по своей специальности. Как же я могу заниматься с утра до вечера, а в этом институте меньше невозможно, когда в мире столько интересных, непознанных вещей. Я хочу познать жизнь, я берусь за все, что можно, за любую работу, за любой интересный доклад, все хочу сделать сам.

Сейчас я возглавляю культсектор курсового бюро ВЛКСМ нашего курса, член редколлегии институтской газеты, председатель шахматно-шашечного клуба института, занимаюсь в гимнастической секции, пишу доклады, рецензии и др. Но на самом деле я нигде не справляюсь с работой. Хотя и понимаю, что лучше меньше, да лучше. Но это для меня трудно. Надо бы выбрать одно, а не гоняться за всем сразу. Да, еще пою в факультетском хоре у Валерки Преображенского.

Стройка летом мне много дала, в этом году институт опять будет достраивать Калининскую ГЭС, я еще не решил, ехать ли мне. Июль буду на военно-морской практике, в августе – свободен. Наверное, я все-таки не вытерплю и поеду в августе. В самом деле – что я буду делать в городе, а три недели поработать на стройке, повеселиться, познакомиться с новыми людьми – это в тысячу раз лучше. К тому же я возьму с собой и книги. Итак, решено – завтра же подаю заявление.

28.03.51 г. Утром встал рано и до 3-х часов успел только сняться для анкеты и положить в Сберкассу 300 рублей, 120 рублей я заработал на зимних каникулах, демонстрируя партии Всесоюзного шахматного турнира им. Чигорина. Вообще, я неплохо провел каникулы. Вставал в 10 часов, завтракал и уходил в Публичку, изучая «Историю западноевропейской философии» Александра и все относящееся к философии этого периода. Два раза в неделю ездил в институт заниматься гимнастикой, затем ехал в Публичку, а оттуда в 4 часа, пообедав там, отправлялся на работу в Консерваторию, где проходил турнир. Я люблю наблюдать не только за ходом партий, но и за партнерами, за их поведением, одни спокойны даже в сильных цейтнотах (Смыслов), другие нервничают, постоянно поглядывая на часы. Хотя трудно по внешнему виду определить характер человека и распознать взаимоотношения между людьми.

Однажды, когда очередной тур закончился, и я стал собирать в коробки часы и шахматные фигуры, появился на сцене музыкант, сел к органу и стал играть. Я попросил разрешения остаться и послушать. Это был известный органист Браудо. Он опробовал инструмент перед выступлением и репетировал. Я, будучи один в огромном зале консерватории, слушал великолепные звуки с замиранием сердца, будто он играл только для меня. Потом мы разговорились.

Работа от института на стройке ГЭС в Тиенхааре летом 1951 г.

Четко стучат колеса поезда, уносящего нас из Ленинграда. Ночь.

В купе тускло светит лампочка. Сонная атмосфера. Большинство спит, положив вещи мешки под головы, некоторые лениво играют в карты, в соседнем купе поют несколько голосов. Читать становится труднее, буквы то дwoятся, то расплываются в какую-то невообразимую кашу, глаза слипаются. Чтоб не заснуть, выхожу на площадку. Резкий холодный ветер, освежая, бьет по лицу, проникает за ворот, холодит тело. Сажусь на площадку у открытой двери и, прячась от ветра за угол вагона, смотрю на проносящиеся мимо темные леса, луга, холмы. Изредка мелькнут огромные валуны, обросшие мхом, озера, покрытые беловатой пеленой тумана и снова кругом леса, леса – бесконечные, глухие. Иногда лес расступается, и вдали виднеется кусочек горизонта, начинающий окрашиваться поднимающимся солнцем.

Дом, где нам предстоит жить, расположен рядом с площадкой строительства. Нам, студентам, пожелавшим поработать под Выборгом на стройке по восстановлению разрушенной войной ГЭС, предстоит ее снова собрать и пустить. Я записался в отряд без колебаний, интересно попробовать свои силы.

Мы стоим на цементном полу старого разрушенного здания ГЭС и слушаем нашего начальника строительства, студента 4 курса Володю Васильева, рассказывающего о проекте стройки, о работах, которые уже сделаны и которые нам предстоит сделать.

Трубопровод большого диаметра, по которому подается вода на ГЭС, разрезан на 3 части. Первые его секции уже лежат на новом месте, и почти засыпаны песком, третья секция еще стоит на стапелях и терпеливо ждет своей участи. Плотина, окончательно разрушенная в прошлом году, начинает отстраиваться, уже отлиты «быки» – основа новой плотины. Здание ГЭС осталось таким же, каким оно было раньше.

Жара. Солнце нещадно палит, обжигая кожу, воздух нагрелся, трудно дышать. Обнаженные загорелые фигурки строителей мечутся, снуют на всех участках, кипит работа, и кажется, ничто не мешает ее четкому продуманному ритму.

Бригада Левита работает на засыпке песком средней части трубопровода. Девушки, не разгибаясь, работают лопатами, нагружая тачки песком и гравием. Ребята везут тачки к трубопроводу. Тачки с песком катятся вниз по досчатой, довольно некрепкой дороге, чтобы ссыпать свой груз на трубопровод. Навстречу им поднимаются уже пустые тачки и, обгоняя друг друга, спешат на «насыпной пункт». Ребята, пыльные и потные, спешат – нужно обогнать вырвавшуюся вперед бригаду «Кроликов». Бригада «Кроликов» тоже засыпает трубопровод. Поднимая на трехметровую высоту мокрый песок или глину, они нагружают вагонетки. И нужно большое искусство, чтобы донести полную лопату песка, не просыпав его на голову или спину стоящего напротив товарища. Пока четверо наиболее сильных ребят везут вагонетки по эстакаде, остальные заготавливают новые порции песка и глины.

Знаете ли вы, что такое эстакада? О, вы не знаете Калининской эстакады! Нагруженные доверху мокрым песком или глиной тяжелые вагонетки регулярно, на каждом повороте, сходят с рельс и хорошо, если им не вздумается при этом перевернуться и свалиться куда-нибудь вниз под эстакаду. Вначале это было непривычно, но затем научились бороться: двое ребят помасивнее становились на заднюю раму и «давили», другие, просовывая под переднюю раму заранее приготовленную для такого случая вагу, восстанавливали ось на свое место, и вагонетка благополучно продолжала свой путь до следующего поворота.

Солнце по-прежнему нещадно палит, небо пустынно, ни малейшего признака облаков. Хочется удрать под какое-нибудь дерево в тень, спрятаться от его жгучих лучей в прохладную воду речки.

Здорово работает бригада Исянова на бетономешалке. Каждый знает свои обязанности, никто не суетится, не мешает другому. Работа идет быстро, в каком-то нарастающем четком ритме. Виктор Порецкий, основательно «напудренный» цементом, работает лопатой, не разгибаясь. Бетономешалка, переваривая порции смеси бута или гравия с цементом, разливает готовый бетон в непрерывно подъезжающие тачки, увозящие его на постройку бутобетонной стенки или водоспуска.

Одновременно бригада Шалашова, работая на машинах, подвозит то песок, то гравий, то бут, и стройка, медленно пожирая все это сырье, руками людей возводит плотину, засыпает трубопровод, воздвигает бутобетонную стенку, водослив.

Все идет хорошо, все на своих местах, но вот машины останавливаются – кончился бензин. Машины встали – значит, нет ни песка, ни гравия, ни бута, ни цемента. Левит идет ругаться к Васильеву. Тот предлагает пока работать с носилками.

Встаем в 8 часов вместо 6 утра – нет работы из-за того, что кончился бензин. Что думает начальник строительства Лукомский, комитет ВЛКСМ, парторг строительства Петров? Впрочем, что можно ожидать от Петрова? На строительстве, в бригадах он бывает крайне редко или не бывает вовсе, словно его это не интересует. Только однажды он принял самое деятельное участие в работе стройки. Когда перекрыли старое русло и открыли, срыв часть перемычки, новое, между камней в стоячей воде осталась рыба. И нужно было видеть, с каким усердием, стоя на коленях на скользких камнях, ловил он рыбу в мутно-грязной воде старого русла.

Лениво выходим на работу – опять бут таскать или щебенку с одного места на другое: ее вчера ссыпали на 100 метров ближе, чем это было нужно, и теперь мы на носилках носим ее к бетономешалке. Сегодня воскресенье. Это третий воскресенье за месяц работы на ГЭС. Первый был в колхозе – пололи картофельное поле. Второй в совхозе «Свекловичный» – метали стога. Хороша работа на сене!

25.11.51 г. В Ленинграде сразу же с сентября окунулся в общественную и спортивную работу, как председатель шахматно-шашечной секции бесконечно бегал, хлопотал о турнирах, шахматах, кружках. Достали с великим трудом шахматные часы и с не менее великим – мастера по шахматам Жуховицкого. Начались турниры новичков, второго разряда, первенство города среди вузов и командное первенство по ДСО. Нужно было организовать кружки, добыть помещения.

Продолжаю заниматься гимнастикой 3 раза в неделю. Тренирует нас Катишев Борис Ибрагимович очень хорошо, но у меня получается неважно. Однако гимнастику люблю и не брошу, пока не стану приличным второразрядником.

Сентябрь и октябрь ходил в Публичку регулярно, читал, а сейчас не до книг.

Много произошло событий за последнее время, но самое главное – это мое увлечение туризмом, увлечение по-настоящему, со страстью. Я даже гимнастику забросил на целый год. Не занимался шахматами, настолько был поглощен туризмом.

Началось все с того, что как-то в начале 3-го курса я, проходя по институтскому коридору, заметил небольшое объявление о том, что в ближайшую субботу будет проведен однодневный туристический поход. Это было 15 сентября 1951 года.

Мне первый туристский поход так понравился, что когда на ноябрьские праздники был организован большой и серьезный поход, я тоже решил идти, но прежде пришлось выдержать очень трудный бой с мамой. С тех пор перед каждым походом у нас жестокие бои, которые всегда кончаются тем, что я иду в поход. Ее аргументы вначале – «через мой труп», потом, постепенно привыкая, «ну что тебе это дает?», «поезжай лучше в дом отдыха» и пр., наконец – «не забудь взять с собой шарфик».

25.08.52 г. 3-й курс прошел в отношении учебы крайне неудачно.

В первом семестре я получил одну тройку по электрическим машинам и остался без стипендии. Во втором семестре, несмотря на все мои старания, повторилась та же история, и,

получив тройку по истории магнетизма, я снова сижу без стипендии. Что было в моей душе, не хочется вспоминать: дикое озлобление на весь мир, на деканат, который мог, но не дал мне возможность пересдать только потому, что я не совсем учтиво вел себя с замдекана Смирновым. Такие душевные потрясения хотя и приводят к «переоценке ценностей», взглядов, мыслей, что не так уж плохо, но и порядком старят. Пришлось немного поработать грузчиком на товарной станции.

17.11.53 г. После закарпатского похода осталось много фотопленок. Мы с Димкой Поляковым сильно увлеклись фотографированием и потратили на это много времени и денег. Печатали в общежитии, надо было достать пленки, объектив, увеличитель. У нас ничего не было, кроме желания. Но вот мы сравнительно неплохо отпечатали по 200 карточек, печатали всякие и хорошие, и плохие, не жалея бумаги. Нам нравился сам процесс печатания – появление на мертвой бумаге живых человеческих лиц, поз, которые о многом нам напоминали. Шуткам, спорам, смеху не было конца.

Так теперь повелось – после каждого похода я достаю увеличитель и запираюсь у нас в ванной. Наслаждаюсь, печатаю, творю. Мать ворчит, соседи бранятся, что нельзя пройти в ванную, а я себе печатаю, и смешно видеть, как появляются, всплывают веселые рожи, смешные позы, картины природы, виды погоды. У меня уже масса фотографий, наверно штук 600.

2.02.54 г. Только что пришел из филармонии, слушал «Пер-Гюнта» Грига и Ибсена. Какая великая музыка! Она какая-то особенная, ясная-ясная, чистая, даже хрустальная. И, кажется, что не на земле ты, что кто-то сильной рукой поднимает и уносит тебя далеко-далеко в сказочные леса, непроходимые, дремучие, застывшие в глубоком молчании, снежные. Вся музыка – великолепно! Даже похоронная – смерть Озе – красива и трогательна. Но самое лучшее – это рассвет и особенно песня Сольвейг. Сольвейг, которая полюбила великого грешника, беспутного, грязного, пьяницу, но влюбленного в жизнь фантазера, романтика. Она пришла к нему, преступнику, сама, не побоявшись суда общества, а затем прождала Пер-Гюнта 40 лет. Подумать только – 40 лет одиночества и тоски, ничего о нем не зная, но

«Судьба пусть хранит,
Если жив еще ты.
Пусть радость и счастье
Тебя озарит».

Это великий подвиг любви! Но все же ее любовь какая-то пассивная, недейственная. А весь «грех» Пер-Гюнта оказывается в том, что он всю свою жизнь был не самим собой, а играл. И он спрашивает Пуговичника, как же ему быть самим собой. Пуговичник отвечает: «быть самим собой – значит забыть о себе, не думать о себе». Ой, так ли это. Скорее всего, именно это и есть игра в хорошего человека, а Пер-Гюнт всю жизнь и был самим собой – мечтателем, сумасбродом, эгоистом.

И все-таки «Пер-Гюнт» прелесть.

Право же, я больше всего после Чайковского люблю Грига, причем их обоих различной любовью, и получается, что они оба на первом месте. Затем Лист, Россини, Штраус, Шопен, Глинка. Бетховена я еще плохо понимаю: все кажется на один манер и ничего не запоминается. Если бы меня сейчас спросили, что я люблю больше всего на свете, я ответил бы – музыку. Раньше я не обращал на нее никакого внимания, а теперь во мне постоянно звучат отрывки из симфоний, сонат, арий, просто песен. Моя голова как приемник: повернешь ручку приемника, и вспыхивают то одна, то другая мелодии. В голове ручки нет, поэтому там стихийно вспыхивают множество мелодий. Как я хотел бы сейчас научиться играть! Правда, у меня сейчас «открылся» голос, я много и часто пою, и очень доволен, если мое пение кому-нибудь нра-

вится. Особенно люблю петь в лесу и под душем, когда моюсь после занятий в спортзале – в душевой великолепный резонанс и вообще приятно.

Еще немного о себе. Сессию окончил хорошо. Одна четверка. Накупил кучу билетов в театры, хожу на гимнастику, был на катке, на лыжах в Кавголово, где обморозил уши и где окончательно влюбился в одну девицу – Леру Семенову.

Познакомился с ней в Кавголово – посчастливилось кататься вдвоем. Потом вместе ехали домой и на этом, пожалуй, все, можно поставить точку. Я ее видел в филармонии, на институтском вечере, но подойти не решился.

2.04.54 г. И правильно делал. Так и надо было – остаться в стороне, наблюдать и не мучиться. Но судьба (коварная!) решила иначе. С тех пор мы встречались в институте и здоровались как знакомые – и только. Однажды я был в филармонии на концерте М. Ваймана и увидел ее – одну. В первом отделении я смотрел на нее чаще, чем на Ваймана, она сидела в первом ряду партера, а я стоял и хорошо видел ее. В антракте я заметил, что она осталась на месте и, набравшись храбрости, подошел. Мы разговорились. Мальчик, который сидел рядом, не пришел, и я остался сидеть на его месте. В общем, было очень хорошо, и я был на седьмом небе от счастья. Потом проводил ее по Невскому до Московского вокзала. Беседовали, разговор шел в основном о гимнастике. Она сейчас тренируется по программе мастеров, и вскоре должна будет выступать.

На другой день я, встретив ее в институтском коридоре, пригласил ее еще на один концерт в филармонию – на Глинку. И она согласилась, к великому моему удивлению и радости. Мы были на Глинке, дважды ходили в кино, успели многое рассказать друг другу, я ее трижды провожал. Одним словом, влюбился я страшно, а она, по всем признакам, ни капли внимания. Но что же она ходит со мной? И вот последний вечер разрушил все. Я с великим трудом достал билеты в филармонию

(я сейчас зачастил в филармонию, минимум раз в неделю) на вечер итальянской песни хора Свешникова. Билеты оказались плохими, вернее, одно место хорошее, другое плохое... Нет, не могу писать. До сих пор тяжело, мне казалось, что после того вечера все кончено, любовь моя прошла, но это, оказывается, не так-то легко.

5.04.54 г. Мы с Лерой договорились встретиться у филармонии в двадцать минут девятого. Я опаздывал на две минуты и бежал,

думал, ничего, извинюсь – простит. Но ее еще не было. Я походил минут 10, прочел все афиши, газеты, перездоровался со многими знакомыми. Наконец, опоздав минут на 20, она пришла. С этого все и началось. Я сказал: «Нехорошо, Лера, опаздывать». «Да я не виновата, это автобус». «Брось, Лера, оправдываться не надо». И замолчали. Так же молча сели на свои места. Я сел, конечно, на неудобное место и мне за колонной ничего не было видно. Я решил, что лучше стоять и все видеть, и робко спросил: «Может быть, мы будем стоять? Я ничего не вижу». Она что-то неопределенно промычала и осталась сидеть. Я ушел обиженный, стоял впереди, потом вернулся, немного постоял за ней, и, видя, что она не обращает на меня внимания, снова ушел.

Хор Свешникова исполнял, кажется, Чичероне – какого-то итальянского композитора XVIII века, какую-то церковную музыку, но такую чудесную музыку и в таком исполнении я слышал впервые. Я видел огромный собор, где под звуки органа поет хор, а верующие стоят на коленях и молятся, и так красиво, стройно и торжественно льется музыка под могучими сводами храма. Люди делятся с Богом своими бедами, печалью, маленькими радостями. И я сам начал молиться.

Я помню, я молился всего дважды: в филармонии и еще раньше – на Кавказе. Дело было вечером, ужинали у костра. Но я на кого-то обиделся, отказался от ужина и ушел куда-то в темноту. Меня окружал дремучий лес, где-то рядом слышался плеск ручейка, невдалеке виднелся костер, и видно было, как двигались люди, и доносился веселый шум, который еще больше

усугублял мою печаль, и я вдруг стал рассказывать Богу или лесу, или этому ручейку свои беды и печали, жаловаться на себя и просил у Бога три вещи: мудрости, силы характера и любви. И долго я так стоял в темноте. Иногда меня звали, но я не отзывался. После этого я стал как-то чище, умнее, лучше, чем был раньше. Если молиться искренне, это здорово очищает душу.

И вот ссора и эта музыка заставили меня вторично пережить такое, правда, я немножко сознательно экзальтировал себя, то есть понимал, что со мною происходит. Но все равно было очень хорошо.

После окончания первой части я подошел к Лере, хотел поговорить, поделиться с ней моими переживаниями, простить ей ее опоздание.

Я думал, она встанет и мы пойдем погуляем. Но она посмотрела на меня, чуть улыбнулась, и, не говоря ни слова, вынула книжку и начала читать. Я был ошеломлен. Я не сказал ни слова – не было слов у меня, и тогда я ушел. Я бродил один по фойе, и мне было очень стыдно за нее и обидно за себя. Больше я к ней не подошел, лишь следил издали, и так мне было больно, что я во втором отделении чуть не разревелся. Я думал, она поймет свою ошибку, найдет меня и встанет рядом. Тогда я, конечно, все прощу, и будет очень легко. Но этого не случилось. И я понял: значит, она равнодушна ко мне. Но как можно так поступать, я не понимал. Я привел ее в филармонию, куда столько народа старалось попасть в тот вечер (я трижды бегал отмечаться в очередь, прежде чем достать билеты), посадил ее на лучшее место, а она – ноль внимания. Что же она за человек после этого? Одним словом, было очень обидно. Потом, не зайдя за ней, я спустился вниз за пальто (номерок был у меня), она сама пришла вниз. Мы молча оделись и молча вышли. У меня вид, наверное, был ужасный. От нее – ни слова рассказа.

7.04.54 г. Теперь мне ясно, что я ее разлюбил – если можно так сказать. Она мне по-прежнему нравится, ибо хороша собой, но раньше я за красивой оболочкой представлял себе и столь же красивое содержание, теперь же вижу, что выдумал его сам.

Сейчас главное, чем я живу – это гимнастика. Десятого числа у меня соревнования – я выступаю по второму разряду. Готовился этот семестр очень много – по 3—4 раза в неделю тренировался. Сейчас чувствую себя хорошо, мышцы окрепли, стал сильнее, чем когда бы то ни было. Играю в шахматы на первенство института между факультетами, сижу на 1-й доске и очень горд этим.

Тщеславен я тоже страшно и к славе неравнодушен, но умею это скрывать. А с этим надо бороться. И хвастун я оттого, что люди, кажется, не замечают меня, заняты собой. А я-то такой хороший: и спортсмен по разным видам, и голос у меня ничего, и песен знаю множество, и стихов целую кучу наизусть, и читаю их неплохо, и стихи пишу и рассказы, а вот не обращают на меня внимание. И правильно делают. Не скромн ты. Это отталкивает. Думаешь, что лучше других, себя считаешь умнее всех, а люди нутром чувствуют это. Ну, а что делать, так хочется похвастаться, а то так никто и не узнает, какой я хороший.

Вот недавно я спас мальчика. Он провалился под лед Карповки и плавал, цепляясь за края льда. Я подполз к нему и вытащил. Это произошло всего за одну минуту, произошло просто, даже как-то обыденно. Я его вытащил и ушел, а женщины отвели его домой, и никто не знал, что я так поступил. Я долго крепился, но потом рассказал Моньке и Лере – захотелось похвастаться, какой я хороший, но почему-то это не принесло удовлетворения. Мне кажется, что из всего, что я совершил, самое лучшее было спасение этого мальчика и двух девиц во время зимнего похода. И прав Горький – как хорошо чувствовать, что ты чем-то помог людям, что ты можешь быть нужным и полезным.

11.04.54 г. Вчерашний день прошел чудесно. К нему я слишком долго готовился. Встал рано, не спалось. Утро было прекрасное, солнечное. И начало было хорошее: постояв часок в очереди, я достал

2 литра молока. Потом поехал в институт выступать по второму разряду по гимнастике. Соревнования (как я их боялся!) прошли удачно, и я набрал нужное количество очков.

19.04.54 г. Живу страшно беззаботно, свободно и легко, ничем особенно не занимаюсь, ничего особенного не делаю, не скучаю, но и не так чтобы очень весело, а так как-то, одним словом – беззаботно. Бегаю по театрам, кино, хожу в филармонию, думаю о девчонках, немного о будущих страшных экзаменах и о всяких пустяках. Ни одной серьезной мысли, ни одного важного дела. Вот перечень «дел» последних дней: был на лекции в Эрмитаже, смотрел фильм «Дорога надежды», видел в театре «Демона», «Эсмеральду», слушал 6-ю симфонию Чайковского, завтра пойду на «Великого государя», обедал у тети Раи и, между прочим, бывал в институте.

Сейчас вообще очень увлекаюсь Чеховым. Чехов, как и Чайковский, тонкий, нежный, скорбный.

23.04.54 г. Сегодня встал поздно, занимался гимнастикой, немного науками, потом гулял. Погода чудесная, весна настоящая, Нева – красавица, белые льдинки плывут по темно-синей воде.

21.05.54 г. Идет последняя сессия в институте. Уже сдал один экзамен. Так грустно. Последнюю лекцию отмечали вдвоем – я, Женя Калинина и Виталий Кремков, у Жени дома в Басковом переулке. Купили вина, закуски, вспомнили старину, Виталий играл на гитаре, мы с Женей пели.

Вот и прошли студенческие годы. Они были разные – пестрые, шумные, всякие. Прошли быстро, и все-таки было хорошо! Никогда не помяну их худым словом, всегда буду помнить как свои лучшие годы.

26.06.54 г. Прошел месяц. Сдал экзамены и теперь работаю над дипломом на цементном заводе Воровского и в Лаборатории автоматики. Посоветовал Монька, который здесь работает. Нас четверо из нашей группы пришли сюда готовить дипломы, одновременно устроившись на полставки. Здесь очень хороший и интересный народ. Лаборатория размещается в одном из корпусов Апраксина двора.

Вечерами гребу (несколько сезонов сидел в четверке академической, потом в каноэ и байдарке), в августе собираюсь идти в поход по Кавказу. За месяц было много событий: проводил Димку на Кавказ, он улетал в альплагерь. Было, как всегда с ним, чудесно. Шли пешком, трепались обо всем, что придет в голову, он нес рюкзак, я был в его плаще, было хорошо и легко, но я завидовал ему, что он улетает (первый раз в жизни!), и завтра уже будет в центре Кавказа. Потом он написал письмо, я ответил.

Получил письмо от Светланы. Маленькое, странное и очень взволновавшее меня. Несмотря на все, я ответил дружески.

Сблизился с Женей Калининой. С ней мы друзья (друг от друга у нас почти нет тайн). Часто гуляем вдвоем, а когда Виталий уехал – вдвоем. Эта дружба с моей стороны переходит в любовь, но я преодолею, тем более что она уезжает на месяц в Кондопогу, а я за это время еще в кого-нибудь влюблюсь. Так хочется хорошей любви, но меня трудно полюбить – я слишком сложный и противоречивый человек.

19.12.54 г. Завтра распределение, крутой поворот всей жизни. Куда только, вот вопрос. Грустно чего-то, как всегда перед дорогой, и в то же время немного радостно – впереди новая жизнь во всех отношениях.

Студенческие годы пролетели очень хорошо, жаль только, мало было любви. Впрочем, любви, дружбы, счастья всегда мало. Не хочется философствовать на этот предмет – куда пошлют, и зависит ли дальнейшая жизнь человека от этого, и в какой мере.

Писать сейчас не хочется, напишу потом, как прошли лето, осень. Но все же куда, какой город? Куда бы ни послали, буду готовиться к дороге, как к празднику, ибо новую жизнь нужно встречать радостно, чтобы и она тебе тем же ответила.

В Ленинграде ничего не жаль покидать, кроме мамы, Нади и Димки. А напоследок погуляем же и покутим, эх!

21.04.55 г. Жизнь – это огромный лес, ты заблудился, хочешь выйти на какую-нибудь тропинку, идешь, не разбирая дороги, и любая случайность может вывести тебя на любую из многочисленных тропинок, пересекающих лес. И всегда тебе будет казаться, что другие возможные тропинки чище и короче к цели, и всегда это будет тебя мучить.

А сейчас я жду из Рустави ответа: ехать мне туда или нет, и боюсь отказа – поехать хочется, пожить одному самостоятельно, посмотреть на людей, в Ленинграде вообще все уже надоело. Боюсь отказа. Сейчас веду паразитический образ жизни: ровно ничего не делаю. Это с 1 марта после защиты диплома. Был 12 дней в доме отдыха, было неплохо, особенно к концу, когда я поближе познакомился со всеми девушками и по вечерам танцевал, ходил иногда на лыжах, играл в бильярд, читал, занимался всем тем, чем положено заниматься в доме отдыха.

Я распределялся одним из последних и все боялся, что кто-нибудь до меня возьмет Рустави.

Студенческие годы оказались бурными, насыщенными событиями, но многое осталось за кадром, дневники писались от случая к случаю, подчас с очень большим перерывом. Почти ничего о жизни в учебной группе. Немногим больше о товариществе в походах и шумных встречах после. Описания некоторых походов в студенческие годы приводятся в третьей главе. С тех далеких студенческих пор мы, «походники», дружим, ходим на юбилеи друг друга, продолжаем встречаться дома или на дачах, перезваниваемся. Тепло лицейского товарищества – институтской дружбы согревает меня и в старости. Мы – это я и моя супруга Галя Малькова, Дима и Валя Поляковы, Миша и Лариса Смаришевы, Леша и Алла Киселевы, Боря и Лена Леоненок и многие другие. Именно походное братство оказалось самым живучим.

ДНЕВНИКИ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

24.02.87 г. В воскресенье утром уехал в бассейн (вот уже много лет мы ходим в бассейн СКА по выходным), а оттуда сразу же сюда, в Вырицу. Только пообедал, разместился и сразу же встал на лыжи. Место очень красивое, село огромное, кругом сады и лес. Наш профилакторий стоит на отшибе, имеет вид большого шалаша, 3-х этажный. И есть 4-й этаж – танцзал под крышей, где большой бильярд и теннисный стол.

1-й этаж – сплошь медкабинеты, а в подвале сауна, души, ванны и прочее. Жилых – два этажа на 96 душ. Хотя заполнен пока наполовину. Вчера меня осмотрел врач и прописал мне подводный массаж, парафин на поясницу от остеохондроза и ингаляции от ангин. Плюс сауна, лыжи, бег по утрам по дорожке и чистый морозный воздух.

02.03.87 г. Прошла прекрасная неделя. Утром я бегаю 3 км, сегодня уже перешел на 4, затем после завтрака 2,5—3 часа на лыжах, лес здесь сказочный, еловый. Морозец, солнце, иногда падает легкий снежок, деревья стоят в снегу, очень красиво. После обеда читаю, затем процедуры, сауна, ужин и телевизор с 21 часа.

Ко мне в номер через форточку повадилась синичка, очень красивой расцветки. Полетает по комнате и обратно в форточку. Прилетает утром в 8.30 и так целый день. Я на соседнюю кровать кладу косточки от яблок. Клонет одну и улетает, но тут же снова возвращается. Такая трусиха. Много читаю. Например, Вознесенского «Прорабы духа». Мне кажется, проза выходит у него лучше, чем стихи. Все стихи этой книги прочел, ни одно не запомнилось, ни одно не понравилось, так чтобы «Ах». Прозу, особенно воспоминания, читать интересно.

Прочел о Февральской революции. Каждая партия приписывает ее себе в заслугу. А она была стихийной. Создалась обстановка взрыва. Кто-то, безвестный, поднес запал, и началось. Ошибка царя и других в том, что они начали и уже не могли остановить войну. Это странно. Ведь династия Романовых была с немцами в родстве. И от последствий войны погибла. Вот парадокс. Россия выдохлась в процессе этой войны, и физически и морально.

09.03.87 г. Редко пишу. Утром регулярно бег, потом лыжи, последние три дня нашел новую лыжню, красивую, вдоль реки Оредеж, добежал однажды до ее конца. То есть километров по 25 ежедневно.

Уже стало тепло, морозы ослабли, ярко светит солнце, не погода – чудо. Эти две недели прошли идеально. И настольный теннис, и бильярд, и лыжи, и мой приемник. И нет соседа. Еще неделя, и все.

Надо идти на завтрак. Светит солнышко, надо сегодня дофотографировать лес, хотя он уже не такой красивый, как был в начале.

Очень люблю лес в первой половине марта. Безветрие, морозец, снег, деревья в снегу, лыжня. Я заметил, что в это время всегда хорошая солнечная погода. Больше всего люблю кататься на лыжах в марте.

04.01.93 г. Когда-то я записывал чужие высказывания, которые мне нравились. Теперь, когда жизнь прожита, или, скажем, основная ее часть, можно и самому что-нибудь наговорить. Глядишь, кому-нибудь и пригодится. Если бы отец или дед оставили свои записки, думаю, мне было бы интересно их разбирать. Как и чем жили, о чем думали мои предки? Но я об этом никогда не узнаю. Поэтому, чтобы мои потомки не мучились этими вопросами, начнем эту тетрадь. Пусть это будет эксперимент. Мне и самому интересно, доберусь ли я хоть до половины этих листков. И с чем. Можно будет это назвать – интервью с самим собой. Неплохое название. А темы любые, широкие, как сама жизнь. Начнем, пожалуй.

05.01.93 г. Прежде всего, мое первое слово о моем отце. Я знал его мало и помню плохо – он погиб в 42-м, когда ему был всего 41 год, а мог бы жить долго и счастливо, ходить в филар-

монию, путешествовать, общаться с многочисленными родственниками, воспитывать меня, даже еще родить ребенка.

Практически его, как и многих других, убила война. И неизвестно, где он похоронен, может быть, нигде – в Ладогe. Жаль, что так мало ему было отведено. Я думаю о нем давно и постоянно, веду с ним нескончаемые разговоры. Каким он был? Знаю, что он работал бухгалтером на лесопильном заводе на Охте, где мы поселились в середине 30-х годов, что хорошо играл на скрипке и фисгармонии, которые были у нас дома, любил футбол. Хотел, чтобы и я занимался музыкой, но у меня не пошло, я любил болтаться на улице, играть с мальчишками. Помню, как он брал меня с собой на завод в душевую, ибо дома не было горячей воды. Особенно помню время войны и блокады, смерть родственников, дистрофию, налеты, бомбоубежища. И наше последнее прощание на перроне какого-то вокзала. Так несправедливо – прийти в этот мир на такой короткий срок. Мама хоть пожила в два раза больше, видела внуков, дождалась горячей воды, метро, цветного телевизора, отдельной квартиры. Ведь просто жить – видеть небо, лес, озеро, море, дождь и жару, слушать музыку, бывать на выставках, общаться с людьми, близкими и друзьями – большое наслаждение. Само по себе. Не говоря уж об остальном.

Конечно, сволочи политики, играющие судьбами людей, развязавшие эту войну, как, впрочем, и все остальные войны, и построившие концлагеря в своих странах. Всем не повезло, но особенно тем, кто жил в первой половине XX века. Миллионы погибших. Во имя ничего, бессмысленно, зазря. Из-за амбиций, равнодушия, глупости и бездарности правителей, особенно наших, российских, от Николая II до Хрущева.

Я смотрю на фотографию отца со скрипкой, и его жизнь продолжается, пока я жив, пока помню о нем.

06.01.93 г. Более всего обязан я матери. Она не только дала мне жизнь, спасла от голода в блокаду, но и опекала, как могла, всю жизнь.

Она ничего не жалела для меня, и хотя частенько поругивала, в сущности, была добрым человеком. Жизнь у нее сложилась нелегко: жестокое время, ранняя смерть мужа, брата, почти всю жизнь в коммуналке, постоянный страх за мой «язык», за свою работу (она последние годы, с 45-го до выхода на пенсию, работала машинисткой в институте истории партии в Смольном, и ее уволили в начале 53 года после «дела врачей»). Ее работа была единственным источником нашего существования, пока я учился.

Ей не очень-то повезло со мной. О чем и болит у меня душа и не проходит чувство вины. Как не проходит оно перед старшим сыном.

08.01.93 г. Может быть, покаяние придумано в христианской религии не для того, чтобы отпустили грехи и можно было бы грешить снова, как я думал раньше, а для внутреннего просветления, хотя бы частичного, ибо если действительно сам признаешь свою вину, свой грех, то покаяние не искупает ее, конечно, а лишь приглушает, делает новый грех чуть менее вероятным.

Поэтому важно покаяние для самого себя. Мне кажется, это один из правильных постулатов христианства, вернее, один из самых важных. «Покайтесь», осудите сами себя, признайте свои ошибки, свою вину. Наверное, отсюда «не покаешься – не спасешься». «Спасешься» – это я понимаю не в смысле загробной жизни, а для улучшения земной, для просветления души.

У кого не бывает ошибок или того хуже, но важно искренне признать, что виноват, и попросить прощение. А если не у кого, то у Бога. Для себя самого.

14.01.93 г. Один дирижер, один оркестр, одни инструменты, одни нотные тетради, но иначе расставлены черные кружочки, и получается совершенно разная музыка. Значит, эти кружочки, или то, как их расставил композитор, и есть главное, почему музыка такая разная.

То же можно сказать и о писателях. Все одинаково у всех, вот только буквы по-разному расставлены, а выходит – один гений, а другой бездарь. И каждый человек состоит из одинаковых частиц и элементов, а почему-то есть гитлеры и сталины, пушкины и сахаровы. Зна-

чит, отличаются они только некоей духовностью, строим мысли и чувств. От чего это зависит, если материально все одинаково, где находится это отличие? Почему один строит дом или церковь, рисует картину или икону, а другой пытается это уничтожить? Наверное, главная разница в том, что заложено в голову. Ведь если мысленно представить, что Пушкину заменяют руку или ногу, печень или даже сердце, все равно он останется Пушкиным. А к его телу подставить чужую голову – это будет уже другой человек.

Скажем, древний человек был точно таким же, как и мы сейчас, но не умел делать чего-то: писать, считать, сочинять, разговаривать, или умел это делать очень примитивно. Со временем эти умения развились. Умение делать что-то лучше других, умение делать дело. Любое. Рождение и развитие таланта – искры Божьей, как его называют. Просто это свойство человека, его характеристика, запрограммированная где-то в мозгу. Но почему такие разные встречаются программы? И что сделать, чтобы злых программ не было, чтобы люди научились их распознавать, как-то стирать или заменять другими, более человеческими и цивилизованными?

29.12.98 г. Всегда почему-то грустно, когда кончается год, уходит еще один, этот 1998 год.

Хотя впереди еще что-то и осталось, но на год меньше. Этот год был как любой другой – и хороший, и плохой, и в стране, и в моей жизни. Жаль, что мало пишу. И редко. Может быть, внуки или правнуки прочтут, а почему бы нет. Ведь мне были бы интересны записки моих родичей, даже и не столь далеких, а хотя бы отца или матери. Особенно отца, ибо его не стало в 42-м году. О чем думал, чем жил, каким был.

Я пытаюсь сейчас собрать хоть что-нибудь о них, расспрашиваю тех, кто еще жив, составляю анкеты. Кое-что, конечно, выяснилось, но очень скупо. От меня много записей останется, от отца – одно-единственное письмо.

Так что же за год был прошедший? Хоть небольшое, но у меня есть дело, работа. Люди, среди которых бываю, все очень хорошие. Иногда видимся или перезваниваемся со школьными (их только двое – Михеев и Гуртман) и студенческими друзьями, ходим в гости, в основном на дни рождения или на годовщины свадеб. Чаше к Смаришевым, особенно летом к ним на дачу 7 августа, в день Мишкиного рождения. Появились и более поздние друзья.

В этом году издал две книжки стихов: Саши Аносовой, 14-летней школьницы, и избранное своего, к сожалению, ушедшего друга Толи Дьяченко. Немало времени ушло на это, но работа приятная и результат виден. Участвовал в наших постоянных сборах на «Острове», две лекции прочел – об Окуджаве и Галиче. Ну, там разные огородные дела, не так чтобы очень, но все же, в основном снятие урожая, много было клубники и черной смородины. Потом была поездка в Нью-Йорк к сестре Ане на ее 75-летие.

На лыжах начал кататься в ноябре и в Осельках, и здесь, в Сосновке, только вот вторая половина декабря мокрая, все растаяло, дождь. В начале года родился внук, так что действительно много всего было.

И вот я подумал, почему бы не написать, как я прожил, каковы мои убеждения, взгляды на все прошлое и настоящее. Конечно, сейчас уже поздно что-либо исправлять, но хотя бы понять для себя и тех, кто, может быть, заинтересуется мною, что я за человек. Писать воспоминания не хочется, у меня память плохая, она какая-то геометрическая, помню планы городов, маршруты, а разговоры, людей, события – плохо. Надо попробовать из дневников сделать некую повесть-воспоминание, тем более что записок сохранилось много, просто убрать все лишнее, остальное – что есть, то есть. Не пропадать же им. Хорошая мысль. И занятие на будущий год. И заодно вспомнить, что было.

30.12.01 г. Завершается моя «писательская» деятельность. Вышло уже небольшим тиражом четыре книжки воспоминаний, потом в сокращенном варианте еще одна. Все раздарил. Получил массу удовольствия от услышанных и прочитанных в письмах добрых слов в свой адрес. Это укрепило меня в мысли, что после соответствующей доработки надо издать уже

нормальную книгу более-менее приличным тиражом. Этот год и ушел на подготовку текста, на поиски издательства, составление сметы. Процесс создания окончательного варианта рукописи, знакомства со множеством людей и их мнениями оказался интересным делом. Попутно за эти несколько лет отредактировал и издал еще с десяток книг моих друзей и знакомых. Пригодился старый опыт. Уже можно создавать клуб рядовых авторов собственных биографий.

Что ж еще? Немного работаю, немного бездельничаю. Люблю бродить по центру нашего города, он все хорошеет и готовится к своему 300-летию. Люблю бывать в филармонии, на выставках и в музеях, реже в театрах, кино, Публичке. Зимой катаемся с супругой на лыжах у нас в Сосновке, регулярно ходим в бассейн, играем в настольный теннис, занимаемся дачными делами. С велосипедом тоже давно дружу. Много читаю, хотя глаза стали быстро уставать, да и разные другие болезни начали привязываться.

Моя кошка в этот раз родила четырех очаровательных котят

(в прошлом году было трое). Все два месяца она не отходила от них, я помогал ей, как мог. Очень забавные существа, я долго и трудно искал им новых хозяев.

На два дня перед Новым годом ездил в Москву. Она меня на этот раз потрясла. Был на большой выставке картин любимого К. Моне, в новом Историческом музее, Доме художника, храме Христа Спасителя, бродил без усталости по Тверской, любясь подсвеченными фасадами, праздничной иллюминацией, похорошевшим городом. Если бы не названия на русском языке, можно было бы подумать, что это одна из европейских столиц. Я хорошо помню старую Москву 60—80-х годов, когда и поесть было негде, и в гостиницу не устроиться без направления. Есть с чем сравнивать.

Я не изменился, тот же характер, те же интересы. Все как раньше, как было всегда, как будто не осталось за спиной семидесяти лет. Может быть, все могло сложиться иначе? Возможно, основные характеристики человека, или судьба, при рождении кем-то на всю жизнь программируются или устанавливаются, а остальное – нюансы, детали, случай. Кто бы изобрел прибор, определяющий призвание человека, его настоящее место в жизни?

Нет ничего важнее, чем найти себя, не потеряться, ибо мы приходим в этот мир на такой короткий миг. Хочется все попробовать, все успеть, везде побывать «пока не меркнет свет, пока горит свеча».

Не так уж много дней осталось до небытия. Душа страшится и в то же время понимает, что ничего сделать нельзя, закон природы. Ведь до нашего рождения тоже были века, когда жили другие люди, а не мы. Разгадать тайну смерти еще никому не удалось, а может, и нет ее, этой тайны. Все просто и естественно. Только хочется, насколько возможно, отдалить расставание с самим собой.

Глава 2. РАБОТА

Первая работа И ЖИЗНЬ В Рустави. 1955—1957 гг.

Май 55 г. Поезд Москва-Тбилиси. Я еду на первое постоянное место работы в город Рустави по распределению. Я хотел уехать куда-нибудь и начать самостоятельную жизнь, чтобы посмотреть, чего я стою. Дома у меня не было даже своего угла. Мы втроем – я, мама и дядя Борис – жили в 24-метровой комнате в большущей коммунальной квартире. Но даже не это главное: было желание свободы и желание посмотреть на мир, увидеть, как живут люди. Ибо в многочисленных походах жизнь по-настоящему не увидеть, группа варится, что называется, в собственном соку. А тут все внове – и работа, и быт, и новые люди, и новые места. Это было здорово, и я был счастлив, что уезжал далеко от дома, тем более в такую прекрасную страну, как Грузия. Об одном сожалел и грустил – об остающихся друзьях. Но есть почта, и потом, я буду приезжать, ко мне будут гости. Разберемся. Главное – новая жизнь.

Я лежу на второй полке купе и гляжу в открытую верхнюю амбразуру окна. Смотрю уже часа два на проносящуюся за окном одетую в зеленый наряд землю. Где-то далеко-далеко из равнины вырастают холмы и приближаются все ближе и ближе. Мелькают белые домики деревень, кое-где уже окруженные первыми тополями. Небо чистое, за окном парит южное солнце, но в купе не жарко, ветерок, обдувая, приятно щекочет тело. Мысли, как волны спокойного моря, лениво перекачиваются друг через друга, не вызывая никаких эмоций. Даже петь не хочется. И все же – как-то там, на новом месте, все сложится? Колеса простучали по мосту через мутную реку Белую, и воспоминания больно, но приятно кольнули сердце.

Леса густеют, становятся пышными, действительно южными. Люблю я деревню с сенокосом, с лошадьми, с парным молоком по вечерам. Все кругом зелено, лишь вблизи деревень промелькнут черные еще пашни. Первый туннель. Сразу становится темно, пахнет дымом. Спешим закрыть дверь и окно. Едем в темноте долго-долго, лишь изредка огоньки осветят на мгновенье купе, проскочат зайчиками по стенкам и снова ничего не видно. Но вот уже опять солнце играет за окном, блестит лента реки и кругом зелень, зелень, зелень. Кусты подчас приближаются близко-близко к окну, я не выдерживаю, протягиваю руку, но хватаю воздух. Деревья насмешливо кивают ветвями. Какая-то птичка успела что-то пропеть мне в окно. Должно быть: «Какой славный день».

Проезжаем Аше. С ним у меня связано много хороших счастливых минут. Еду один, от чего и радостно, и грустно. Я отлично провел последнее время, был в двух походах, из которых привез много чудесных песен, побывал в Риге и Москве. Вот и Лазаревское, милые сердцу знакомые места.

Море! Вот оно! Долгожданное, наконец-то! Глаз не могу оторвать, какое оно огромное и красивое. Иногда поезд так близко подходит к нему, что хочется прыгнуть. Лежу и люблюсь бесконечной красотой моря. Мне кажется, что люди, живущие рядом с морем, должны быть очень счастливы. Оно сплошь голубое и лишь у берега чуть зеленоватое и такое прозрачное, что далеко видно прибрежное дно. Море сегодня какое-то величественно спокойное, волны лениво набегают на берег и пенятся, украшая серый каменный берег длинной белой лентой. Когда поезд замедляет ход, я слышу, как море вздыхает. Солнце разделило море на две части широкой сверкающей полосой. Она вся в серебре, переливается, посылая солнцу тысячи радостных улыбок. Море все время движется, на его поверхности возникают и тотчас тают белые гребни волн. Лежу и люблюсь морем, и в голову лезет всякая ерунда.

15.08.55 г. Сегодня составил план на 6 месяцев, то есть до отпуска. Он в основном таков: 2—3 раза в неделю шахматы, так как собираюсь зимой играть в квалификационном турнире

в первенстве Рустави, два раза гимнастика, научиться играть на гитаре, познакомиться с грузинской историей и литературой, думать о повести и так далее. План ничего себе, но обладает важным недостатком – это план одиночки. И все же его нужно выполнить.

Записался в библиотеку, взял Важа Пшавела. Хочу познакомиться с ним, с Пришвиным, с Паустовским, особенно с последним.

Жду с нетерпением маму в гости. Кроме всего прочего надоело питаться в одиночку. И времени уходит много, и невкусно.

27.08.55 г. Какие это были дивные дни! Теперь (сейчас!), когда это уже кончилось, особенно остро чувствуется, как было хорошо и славно, и как больно, что уже все прошло. Неужели за два дня возможна такая душевная близость с человеком, которого раньше совсем не знал? Никогда в жизни я не мог бы предположить, что в Рустави приедет Десницкая (да и Семенова тоже) ко мне (ну и в Тбилиси, конечно, они, наверное, хотели посмотреть Тбилиси и вряд ли у них была мысль обо мне), и мы до такой степени сдружимся за эти два дня, что до слез жаль будет расставаться. И я никак не думал, что мне до такой степени понравится Лена Десницкая. Нет, не выразить словами, что сейчас на душе. Милая Леночка, какая она славная, умная и как легко с ней!

А как поет! И главное, как любит пение, оперу – настоящей любовью художника.

Никогда не забыть, как во Мцхете (вчера еще!), которое скоро станет таким далеким и поэтому еще более милым, она пела в замке, в монастыре «Джвари» на горе, куда мы переправились на лодке через реку Арагви. В полуразрушенном храме она взобралась на возвышение у окна, мы сидели снизу на скамейке. Под сводами монастыря, быть может, впервые за 1300 лет раздалась звуки такие сильные и в то же время нежные, то мощно звенящие, то едва слышные, тонкие и замирающие звуки. Я не упомянул всех названий арий и песен. Лицо у нее было вдохновенное, чуть приподнятое вверх. Ветер слегка играл у нее в волосах, они развевались и, казалось, что она летит по воздуху. Чудные были минуты. Как-то трудно писать, неповоротливы слова и получается не так, как хочется.

Леночка, Леночка...

Встретил я их утром 25-го в Тбилиси. Я думал, Лена строгая, неприступная. Она высокого роста, но худенькая, и поэтому кажется еще выше. А потом в расспросах и рассказах об их агитпоходе по целине лед тронулся, и как! Мы постоянно были втроем – я, она и Лера. Может, ревновали остальные ребята? Но нам было хорошо. Мы и в автобусе умудрялись петь. Она мне много (и даже очень) рассказывала о себе, о походах, о Мишке, Лешке и других.

Утром поехали на Тбилисское море, купались, Лера кувыркалась, катались на катере и пели, много пели песен. Потом музей искусств, Куинджи, споры, потом пешком на Пантеон и гору Давида. Большого труда стоило мне уговорить их ехать завтра в Рустави. Но поехали. Утром 26-го я решил во что бы то ни стало отпроситься (золотой наш начальник – отпустил!), и я снова у них. Вечером 1-го дня гуляли по парку, по Рустави, заходили ко мне. У меня была еще мысль о Лере (хотел потанцевать с ней, хотел сказать Рубидию, чтобы он не приглашал Леру), а сейчас, то есть вечером другого дня, о Семеновой уже не думаю.

Лена обещала писать! Подумать только. С каким нетерпением я буду ждать ее писем. И как я хочу поехать теперь в Ленинград на каникулы, чтобы с ними пойти в поход. Думаю, что это будет числа 7-го.

Итак, позавтракав, мы поехали в гостиницу, а оттуда вчетвером в Мцхету. Не стоит писать, скучно это, все равно эти дни запомню до мельчайших подробностей. Как хочу ее снова увидеть!

28.08.55 г. До чего тошно. Такое настроение и прежде бывало часто, но никак не могу к нему привыкнуть. Самыми счастливыми днями моей жизни были, как это ни странно, дни походные: на пароходе в Вознесенье, в закарпатском Ужгороде, дважды на Черном море в 53 и 54 годах, особенно в Сухуми и на теплоходе «Россия», майский поход и сейчас эти

два – три дня. Что ж, это должно быть временно. Интересно, что она испытывает. Должна первой написать письмо. А Лера, по-моему, обиделась, что я почти не обращал на нее внимания, особенно вчера, и в автобусах старался садиться рядом с Леной. И при расставании просил не ее, а Лену писать. И было, наверное, очень заметно, как меня тянет к Лене... Ничего, все проходило, и это пройдет. У нее в Ленинграде жених есть – Борис Леоненко. И потом, это безнадежно.

В смысле ответа и в смысле расставания. Увидимся только через полгода в Ленинграде. Эти несколько дней мне намного дороже, чем 10 дней (больше – 12) со Светой, с поцелуями, объятиями и прочим. Не представляю, как это произошло, если я раньше не любил ее, и как это прекрасно, когда любишь. Последнего у меня еще никогда не было.

Я всегда стеснялся. Может, это и к лучшему.

Теперь я понял: только большая душевная близость, общность взглядов дает то, что можно назвать любовью, а не просто увлечение красивенькой фигуркой и личиком.

А почему же ты переписываешься с Надей, Лерой, Светой, Галкой, то есть со всеми теми, которые когда-то в той или иной мере волновали твое сердце? Не знаю. Просто интересно, как живет человек, что с ним будет, как сложится его судьба, и вообще, поговорить хочется. Если бы было можно, я бы переписывался со всем миром.

04.09.55 г. План уже трещит. Выполняется только гимнастика. То к одному пойдешь, то к другому. Сегодня с утра ходил на рынок, потом фотографировались, сложились и купили пленку. Весело было и хорошо. Дурака валяли в парке. Потом был на стадионе, в библиотеке и вечером дома. Был у меня один паренек, замечательный спортсмен – 1-й разряд по плаванию, 2-й по легкой атлетике, 3-й по хоккею и др. Поговорили по душам. Всегда есть о чем поговорить, когда встречаются разносторонние спортсмены. Мы бы сдружились со временем. Он очень славный парень, но его берут в армию.

Писем давно ни от кого нет. И от Димки, и от Лены. Хочется думать, что виновата почта. Скоро (в следующее воскресенье) приезжает мама. Надо будет подготовиться, то есть постираться и заштопать.

Если бы были деньги, то уехал бы сегодня в Бакуриани и в Боржоми. Никогда так плохо не было в материальном смысле. Ровно неделю тому назад кончились деньги, будут только через 10 дней. И ни у кого нет. Одалживаю по 25, по 30 рублей. Противно. И питаюсь скверно: картошка и картошка. Сегодня позволил себе роскошь: помидоры и фрукты. Надоело. Скорей бы приехала мама.

22.04.56 г. Это было сумасшедшее время, и жаль, что не писал хоть понемногу. Правда, писал много писем, некоторые копии оставлял. Из них видно, как жил.

В сентябре приехала мама. Я снял комнатку около парка, и мы там жили три недели. Одновременно, числа 22 сентября, приезжала Галя М. Много рассказывала о походе тяньшанском, о своих слепоходных приключениях. Видно было, что мама ревновала, но Галка ей понравилась. Они вместе даже ездили в Мцхету. Много говорили. Она умная.

Простились хорошо, почти с признанием. И с тех пор я часто о ней думаю. Мне трудно сказать, могу я без нее жить или не могу. Наверное, могу. Иногда мне кажется, что я вообще никого не смогу полюбить. Часто я представляю Галку своей женой. Мне кажется, лучшей пары для себя я не нашел бы. Но как-то нет у меня к ней того огромного большого чувства, имя которому – любовь. От ума больше. И потом, осуществить трудно. Она довольно далеко и уже получила распределение в Новосибирск. Так что все карты окончательно спутались.

10.12.56 г. С 25 октября по 6 ноября был в Телави на полуфинале Грузии по шахматам, где занял 3-е место и не попал в финал. Там на окраине растет огромная старая-престарая чинара. Обратный первый раз в своей жизни летел самолетом.

С ноября начал здорово работать, часто по две, даже по три смены и без выходных. Пускали завод. Хорошо втянулся в дело, знаю теперь все свое оборудование. Создали мастерскую

в нашем цехе. Был один, стало уже четверо. Была маленькая комнатка и пара приборов, стала большая комната, много приборов и станков. Сейчас работы много, но это на месяц, на два, и все. Если хорошо налажу дело, то потом смогу часто и уезжать, и заниматься, и ставить опыты в мастерской. Работа, то, что делаю, нравится мне очень и удовлетворяет вполне, но личная жизнь тошна.

Еще много всего было – и работа, и поход по кавказским горам и к морю, и разные поездки, и участие в шахматных турнирах. Узнавание Грузии, интерес к ней и любовь сохранились на всю жизнь.

Всего два года провел я в Рустави. А сколько было всего. Несмотря на скептическое отношение к самому себе, на самокритику, что видно из дневника тех лет. Здесь я вдохнул свободу полной грудью. Очень много пришлось работать. Примерно год нам сдавали завод (азотно-туковый), насыщенный автоматикой. Надо было разбираться со всеми, чтобы без обмана, а потом самим пришлось эксплуатировать. В результате я знал чуть ли не все наизусть. Иногда вызывали ночью (приходил автобус), если что-то стряслось, и надо было разобраться быстро и четко. Очень хорошей оказалась школа. Я с самого начала был зачислен в штат КИП и А. Им руководил Шатиришвили Александр Георгиевич, милейшей души человек, а его замом был Яшвили Гурам, тоже замечательный парень. Остальной штат составляли русские, приехавшие, как и мы с Розой, по распределению со всех концов страны. Правда, в основном женский пол. Работать приходилось много, было интересно, опыта набрался. Живая работа. Научился читать схемы, ремонтировать, экспериментировать, писать рацпредложения. На заводе все и всех знал и меня, думаю, ценили.

Молодой город Рустави проектировали чуть ли не у нас в Питере, поэтому он получился таким симпатичным. Четыре крупных предприятия расположили за городом – металлургический, наш азотно-туковый, химический и цементный. Тбилиси рядом, минут 30—40 езды на автобусе или на электричке.

Я купил себе велосипед, ездил на нем на работу, ибо на автобусе ездить было мучительно. На нем же ездил в Тбилиси, в Мцхету. Это был один из первых «Туристов». Хорошая машина. Я потом привез его в Питер и много ездил по городу и за город, даже пару раз в Песочную на нашу дачу.

Особенно я полюбил Тбилиси. Часто там бывал и просто так, и когда играл в шахматы, и когда жил там в гостинице, участвуя в первенстве. И когда приезжали ко мне гости, всем показывал Тбилиси, возил в Мцхету. Сначала была Света, потом Лера с Десницкой, потом мама, потом Галя, потом Поляков. Я был влюблен в эти места, и со всеми хотелось поделиться этой любовью. Как действующий гимнаст, я входил в сборную города, мы тренировались и даже выступали. Играл дважды на первенство Рустави по шахматам, один раз даже стал чемпионом, в Тбилиси играл и в командных соревнованиях. Дней 10 провел в Телави, играя в полуфинале первенства Грузии. А уж сколько раз, как только возникнет какое-нибудь «окно» в работе, мы заказывали автобус и выезжали за город, в Боржоми и другие места. Был в Баку, в Сумгаите у Фимы, куда он тоже был распределен, в Ереване и других городах. Множество раз ездил по военно-грузинской дороге из Тбилиси в Орджоникидзе и обратно. То на экскурсию, то просто так, то провожал Свету, то к Розе в гости, то в поход летом 56 года.

Я хотел летом 56 года, отработав год, пойти в какой-нибудь поход со своими, но что-то сорвалось. И тогда пришлось идти в плановый поход с ленинградской группой из Орджоникидзе в Цей, потом несколько перевалов, Шови, Кутаиси, Батуми, Сухуми. Оказался очень хороший маршрут и славная группа. Были горы, море, песни, увлечения, дружба.

А вот жили мы тогда в общежитии в комнате со Славой. Жили неплохо, но дружбы, сердечности не было. Он очень любил симфоническую музыку, оперы, певцов знал отлично. И меня приучил. С его подачи я особенно полюбил оперы «Риголетто» и «Травиату» Верди,

у него был проигрыватель и куча пластинок. И это тоже была отдушина и счастье, тем более что он тоже был и непьющий, и некурящий.

Нас, живших в общежитии, спланивало общее дело, общие друзья и знакомые, общая ненависть к порядкам и беззакониям. Я и сейчас с таким теплом вспоминаю тогдашнюю свою жизнь, когда я чувствовал себя как бы хозяином города, полностью свободным человеком, не обремененным ни семьей, ни чем-либо другим. Хотя прошло уже 43 года, до сих пор помню крики по утрам разносчиков своеобразной простокваши: «мацони, мацони», жару, отсутствие воды (ее давали часа на два в день), заводскую жизнь, новых друзей, толкотню в автобусах и электричках, бесконечные поездки, походы, шахматные турниры, славные города Тбилиси и Мцхету.

Не все было гладко. Были и страшные минуты. Однажды ночью мы проснулись от грохота на улице. Выглянув в окно, увидели колонну проходящих танков. Ничего не поняв, мы легли спать. Надо сказать, что до этого события случился в 1956 году 20-й съезд партии, на котором, как потом выяснилось, выступил Хрущев со своим знаменитым докладом. И через какое-то время этот доклад зачитывали на специальных собраниях на предприятиях. Прочли и на нашем. Эффект был грандиозным. Все расходились молча, без разговоров.

Я не любил Сталина за его жестокость, за антисемитизм, за лагеря, за милитаризацию страны. Но когда он умер, было грустно, казалось, что все рухнет, что все держалось на нем. В день его смерти нас собрали в институте, объявили, многие плакали. Мы с Димкой пытались уехать в Москву на похороны, но то ли в этот день отменили поезда, то ли я не смог попасть на поезд. Теперь, после страшных разоблачений Хрущева, было еще тяжелее от сознания того, какие монстры руководили страной, сколько горя принес сталинский режим.

Но Сталин был грузин, и грузины были о нем другого мнения. Им было лестно, что их человек считался гением и руководил такой державой столько лет. Они его боготворили и вдруг услышали такое. Оказалось, что уже несколько дней в центре Тбилиси шел непрерывный митинг, где выступавшие клеймили нынешнее руководство и славили Сталина. Власти пытались запретить и подавить митинг, но он только разгорался. Тогда попытались разогнать силой оружия. Погибли люди. Митинг перенесли к памятнику Сталину на берегу Куры. Женщина кричала в микрофон: «За что вчера убили моего сына?» Многих арестовали. Власти ввели войска. Лозунги, портреты заполнили город. Говорят, вывесили речь Микояна на 19-м съезде и его речь сейчас. Были шествия. Но сила взяла свое, власть одержала верх – не без труда и с кровью.

Наши попытки поехать в Тбилиси и самим посмотреть, что творится, оказались безуспешными. Не ходил транспорт – ни автобусы, ни электрички. Мы питались слухами очевидцев. К нашим обычным разговорам о жизни, о работе, о людях, о всяких безобразиях прибавилась и эта тема. В первое время остальные темы отошли на задний план.

Я и сейчас-то удивляюсь тому, как всего за два года я так много успел и посмотреть, и поработать, и познакомиться с массой интересных людей. И даже жениться, когда в январе 57 года впервые приехал домой и увез Галю в мой любимый Рустави. Но дальнейшая жизнь там не сложилась. В феврале всюду прошли сокращения и ее никуда не брали, даже по путевке в институт «Автоматпром», которую я получил в Москве. Комнату, которую обещали на заводе, в новом строящемся доме, тоже не дали. И пришлось возвращаться в Ленинград. Может, это и к лучшему. Я ведь серьезно думал обосноваться в Рустави. Мы с Галей привезли с собой вещи, книги, пластинки, все, что нужно для постоянной жизни. И долго еще потом я переживал, что вынужден был уехать из Рустави, так меня тянуло обратно, с таким трепетом я возвращался, делая себе всеми правдами и неправдами командировки в Грузию, но постепенно с годами это чувство любви и воспоминаний улеглось, последующие события постепенно смывали былые восторги.

Да, меня тянуло в Рустави много лет после отъезда. И я приезжал.

Формально я приезжал только на цементный завод и в Минстройматериалов Грузинской ССР. Обследовал, составил план его автоматизации, но, к сожалению, в отличие от других заводов, где почти везде, даже, пожалуй, везде, после моего обследования шла реализация этих планов и я следил за этим, здесь производство было таким запущенным и таким страшным (в сырьевом цеху текли все краны и все ходили в резиновых сапогах), что в моем любимом городе мне так и не удалось внедрить ничего, кроме, пожалуй, вискозиметров шлама.

РАБОТА В ВНПО «Союзавтоматстром» С 1954 по 1991 г.

Когда в институте, где я учился, пришло время писать диплом в 1954 году, нам сказали, что если кто сможет найти себе тему дипломного проекта и организацию, где его можно написать, то это будет приветствоваться руководством. У меня не было знакомых организаций, но как-то я обмолвился об этом своему братцу Эммануилу, с которым мы многие годы жили в большой коммунальной квартире на улице Некрасова, 60. Он ответил, что, дескать, приходите к нам, поговорите с руководством, у нас молодая организация, найдется много тем.

Я сначала сходил сам, получил несколько тем, деканат одобрил, потом прихватил еще ребят из нашей учебной группы, нас распределили по отделам, дали руководителей, утвердили тематику, даже оформили на полставки. И в голову тогда не могло прийти, что это решение определит всю мою дальнейшую производственную и, возможно, жизненную судьбу.

Организация, куда мы попали, называлась научно-исследовательской лабораторией автоматизации, сокращенно НИЛА. Родилась она в недрах института Гипроцемент, который занимался вопросами проектирования и строительства цементных заводов. Незадолго до моего появления она отпочковалась от Гипроцемента и вошла в состав треста «Союзтеплоконтроль». Располагалась она на втором этаже 15-го корпуса Апраксина двора. НИЛА включала в себя три основных отдела: обжига, помола и разработки нестандартных устройств. Отдел обжига цементного клинкера возглавляла Лощинская Анна Валериановна, отдел помола сырья и цемента – Береза Владилена Шулимович, отдел приборостроения – Дворкин Лев Соломонович. Я попал в отдел помола, руководителем мне назначили Гельфанда Якова Евсеевича.

Основная задача была сформулирована следующим образом. Надо найти способ автоматического управления процессами помола сырья в шаровой мельнице. Машинист управляет мельницами, которых в цеху бывает много, по слуху, на ошупь, интуитивно. Поэтому качество шлама, выходящего из мельницы, сильно колеблется, а надо, чтобы шлам, или размельченный с водой известняк с добавками, подаваемый потом на обжиг во вращающиеся печи, был нужного качества, заданных технологической картой параметров, иначе из клинкера, выходящего из печей, может получиться цемент не той марки, что требуют заказчики.

В качестве объекта для исследования был выбран сырьевой цех завода им. Воровского, что работал тогда почти в центре города на Химическом переулке, недалеко от метро «Нарвская». Задача состояла в том, чтобы снять характеристики конкретной сырьевой мельницы, найти способ управления процессами подачи на вход известняка, добавок и воды, построить и испытать систему управления, определить настроечные параметры регуляторов, рассчитать устойчивость системы при заданном качестве и максимальной производительности.

Помню, как мы со Львом Абрамовичем Гиршовым, прошедшим войну и недавно демобилизованным, монтировали аппаратуру для испытаний, долго снимали характеристики мельницы, строили систему управления и даже пробовали, настраивая регуляторы, управлять мельницей. Ходили на завод часто ночами, когда лучше всего работалось, наносили на входе мельницы возмущения сырьем и водой, смотрели, как ведут себя параметры, строили характеристики. Потом я на эту тему писал диплом, рассчитывал параметры устойчивости и качества. Все мне было интересно, все внове, был отличный коллектив, хорошие люди. В феврале – марте 1955 года я защитился и уехал по распределению в Рустави.

После возвращения из Рустави в 1957 году я несколько месяцев искал работу, не нашел, но как-то зашел туда, где я когда-то писал диплом и работал на полставки. Меня тепло встретили и предложили работу в том же отделе. Отдел уже размещался в другом корпусе Апраксина двора – 26-м. И начальник отдела был уже другой – Трофимовский, тихий, спокойный, невзрачный, мало что решавший, но и никому не мешавший. Главным идеологом был,

как и раньше, Гельфанд. Именно он и был настоящим руководителем отдела, решавшим все вопросы тематики, кадров, конкретных командировок. С ним было легко и приятно работать, я всегда поражался глубине его суждений, через некоторое время мы подружились.

Помню, как в первые дни работы в лаборатории похвалил меня Лев Абрамович, когда я взялся разобрать, отремонтировать, почистить и снова собрать довольно сложный по конструкции и вышедший из строя на заводе исполнительный механизм. Сказалась хорошая школа работы в КИПе в Рустави, когда все приходилось делать.

Со Львом Абрамовичем любил беседовать на разные темы, он частенько рассказывал флотские байки из жизни командира торпедного катера, на котором служил на Черном море во время войны. И это были как маленькие новеллы. И хотя он иногда повторялся, слушать его было всегда интересно.

В первый же год работы мне поручили разработать устройство, которое могло бы заменить используемый в системах управления дорогой, серийно выпускаемый частотомер. Я, как бывший КИПовец, взялся за это с удовольствием, мне отвели угол, я обставился аппаратурой, снимал зависимости, экспериментировал. Помню, записали на магнитофонную ленту шум мельницы в разных режимах ее работы, и этот сигнал подавался на вход прибора наряду со звуковым генератором.

Так появился на свет один из самых важных датчиков в системах управления шаровыми мельницами. Потом это устройство, названное усилительно-преобразовательным блоком – УПБ, или «электроухом», стало серийно выпускаться сначала в мастерской, потом на нашем опытно-экспериментальном заводе и использовалось во всех системах управления всевозможными мельницами не только на цементных заводах, но и в других производствах, где они работают, в частности на горно-обогатительных комбинатах, на заводах стеновых материалов. Потом оно многократно модернизировалось, менялся тип используемого микрофона, выходные параметры, габариты.

Несколько позже мне пришлось заняться и другим главным прибором – датчиком для систем управления в шаровых мельницах мокрого способа производства – вискозиметром. Он уже был изобретен Гельфандом Яковом Евсеевичем. Требовалась его модернизация, стандартизация выхода, механическая надежность и др. Ведь эти два устройства работали непосредственно на объекте в условиях запыленности, влажности и высоких температур. Значительную роль в работах по модернизации вискозиметра РВ сыграл Юрий Иванович Дубинин, который к тому времени уже работал в моей бригаде. Потребовалось, не меняя общего принципа, усовершенствовать схему и конструкцию, провести испытания, разработать документацию, поставить на производство.

Я рад, что до сих пор и УПБ, и РВ функционируют и нужны. Недавно позвонили по телефону из какой-то организации и спросили, не хочу ли я принять участие в выпуске более современного вискозиметра.

Вообще с Юрой Дубининым мы многие годы работали душа в душу. Он тоже любил Новороссийск, и одним из первых стал брать в наши обычно длительные командировки семью – жену Виту, дочку Алену и сына Романа. И на других объектах, цементных и не цементных, – в Чимкенте, в Днепропетровске, на Сходне, в Лисичанске мы работали вместе. Вместе и отдыхали часто на северном побережье Чудского озера в Каукси. У Юры были золотые руки, он не чурался никакой работы.

За те несколько лет, что меня не было, выбрали для исследования новый объект – Новороссийский завод «Октябрь», сырьевой цех. Была идея сделать типовую установку контроля и автоматического регулирования процессов помола сырья. Потом ее назовут КРС. И для других агрегатов цементного производства тоже разрабатывались типовые установки: для обжига – УРПО, для помола цемента – РЗМО. Меня почти сразу и направили в команди-

ровку в Новороссийск, где надо было продолжить исследовательские работы и автоматизировать уже все мельницы сырьевого цеха, научиться дозировать барду. На это ушло несколько лет.

Сначала мне трудно давались командировки, тем более такие длительные – не меньше месяца, но потом свыкся. В поселке в районе цемзавода «Октябрь» мы снимали в частном секторе комнаты, ходили на работу пешком, в город выбирались редко, либо на рынок, либо в кино. Работали много, трудно, не все шло гладко.

Помню, как-то приехал в Новороссийск наш самый большой начальник – руководитель треста Зимин Анатолий Иванович. Он любил вникать во все дела, знал обо всех ведущихся работах, всех сотрудников в лицо. Попросил меня рассказать, как идут эксперименты, как снимаются характеристики объекта, показать журнал. Журналом справедливо остался недоволен – плохо веду. Устроил мне выволочку. Этот урок я запомнил на всю жизнь. В этот же приезд он устроил поездку в подвалы винзавода «Абрау-Дюрсо», взял нас с собой. Нас замечательно приняли, все рассказали и показали, напоили. Мы предлагали автоматизировать этот завод. Потом я еще много раз бывал и в подвалах, и в дегустационном зале завода.

Когда выпадали выходные, мы уезжали большой компанией с ночевкой в Абрау, Дюрсо, Лиманчик, к источнику «Святая ручка» за хребет. Ездили на Малую землю, в Геленджик, в Анапу. Однажды на месяц в свой отпуск приезжала Галя, я показал ей свои любимые места, и мы даже плавали в 1957 году на первом рейсе нового тогда теплохода «Адмирал Нахимов» в Сочи.

Очень мне нравился Новороссийск, особенно сочетанием красивого курортного городка с большим индустриальным центром. Хотя в то время были трудности с водой. Ее, как когда-то в Рустави, давали всего несколько часов утром и час-другой вечером. Люди в это время набирали ведра, тазы, ванны. Помню, как в центре города бегали люди с ведрами за машинной-водовозом.

В Новороссийск я ездил в командировки с 1957 по 1995 год, то есть почти 40 лет, и всегда очень любил приезжать в этот город. Сначала жил в частном секторе, потом в гостинице «Черноморская» в центре города, потом, когда построили, останавливался только в гостинице «Новороссийск». Директор гостиниц Цеханский знал нас, уважал ленинградцев и всегда старался разместить нас по мере возможности.

И комбинат нам часто бронировал места, что было немаловажно. Правда, бывало, приходилось ночевать и в коридорах гостиницы на раскладушках. Однажды мы с Юрой Дубининым несколько дней жили в крохотной комнатке уборщиц, где хранилось их нехитрое снаряжение. Гостиниц в городе поначалу было всего две, одна для моряков и приезжавших к ним на свидание жен, и вторая общегородская «Черноморская». Гостиницу «Новороссийск» строили очень долго, но уже последние годы я останавливался только в ней.

В институте мы отработывали системы, экспериментировали с целью создания типовых решений с последующим тиражированием на другие заводы. Цементных заводов в стране было тогда около сотни. Правда, много уж очень старых по технологии и оборудованию, но для большинства типовые решения подходили. Нам удалось для всех основных агрегатов создать не только типовые решения, но и реализовать их в виде конкретных установок, которые производили заводы нашего объединения. Надо сказать, что в наше объединение ВНПО «Союзавтоматстром» входил головной институт ВИАСМ, занимавшийся автоматизацией во всесоюзном отраслевом масштабе всеми переделами стройматериалов – производством цемента, стекла, керамики, стеновых, асбеста и др. Потом было два завода в Грозном и Новороссийске, которые выпускали продукцию, разработанную в институте, – установки автоматизации, специализированные датчики и устройства, просто щиты. И еще было до десяти монтажно-наладочных управлений, разбросанных по всей стране.

Но все это было потом. А вначале мы входили в трест «Теплоконтроль», потом в «Севзапмонтажавтоматика». Из 26-го корпуса Апраксина двора в 1959 году переехали в Дом полит-

каторжан, а в 1960 году нас объединили с ЦПКБ «Энергочермет», которое располагалось во дворце «Новознаменка» в Сосновой Поляне, куда мы окончательно и переселились.

Семья наша из четырех человек с 1957 года жила на улице Петра Лаврова, 12 (ныне Фурштадской) в маленькой десятиметровой комнате, стояли на городской очереди. Когда в Сосновой Поляне для сотрудников института был построен небольшой четырехэтажный дом, мы получили там маленькую двухкомнатную квартирку. Это было счастьем. Сосновая Поляна была тогда почти курортным местом: было несколько послевоенных домов, построенных еще пленными немцами, один кирпичный дом, где размещались АТС, магазин и начальная школа, остальные же домики были одноэтажными, окруженными садами и огородами. Некоторые из наших сотрудников снимали здесь летом дачи, нам же посчастливилось – работа и жилье рядом. Правда, поначалу приходилось детей возить в детский сад далеко, на Московский проспект, позже нашлись места и здесь.

До переезда в Сосновую Поляну мы обзавелись участком земли в

6 соток в поселке Песочный. За несколько лет построили, в основном своими руками, дом 5х7 м, разбили сад, выкопали колодец, даже успели полакомиться созревшими ягодами, овощами, немного пожить. Одно время, проводя там три отпуска летом, я с удовольствием плотничал. Но когда переехали, я быстро осознал, что дача эта не очень-то и нужна. За ней надо ухаживать, ездить стало далековато, а здесь хорошо, кругом парки и лес. К тому же у меня появились длительные командировки, а дети летом – или в пионерских лагерях, или мы ходим в походы, сидеть на даче с ними некому. И я продал ее, за что меня всю оставшуюся жизнь пилили все кому не лень. Я и сам долго колебался, был уже разбит сад, да и дом был построен своими руками и из хороших материалов, купленных на лесоскладе на Магнитогорской улице, где работал дядя Гриша Магаршак.

Сначала все отделы и лаборатории института располагались в дворцовом здании, но довольно быстро стало тесно, пришлось выстроить сначала одно, потом к нему пристроить еще одно большое здание. В нем на первом этаже разместились мастерские, где изготавливались экспериментальные образцы.

В 1959 году я стал руководителем группы автоматизации процессов дробления и помола, а чуть позже – начальником сектора отдела автоматизации. С 1967 по 1972 год был заместителем начальника отдела, а с 1972 года до выхода на пенсию, т.е. до марта 1991 года, работал главным конструктором объединения.

Было в институте, даже в объединении, еще одно очень важное направление работ – создание специализированных приборов и устройств автоматизации. Их требовалось много, причем не только для цементной отрасли. Было создано несколько отделов для их реализации, но самым главным был отдел разработчиков. Дело это сложное, хлопотное, очень долгое. Некоторые такие разработки длились годами, даже десятилетиями. Ребята в отделе были очень талантливыми и трудолюбивыми, но условия работы на наших цементных заводах оставляли желать лучшего. Много удалось сделать полезного, но были и работы, длившиеся, казалось, бесконечно.

Много лет прошло, но не забыть мне, как ныне покойный мой хороший приятель и человек, прекрасный во всех отношениях, Боря Прогер как-то встретил меня в коридоре очень расстроенный и сказал: «Ну ничего не идет, двадцать раз переделываем то одно, то другое, столько сил потрачено, жизнь проходит, а все без толку, нет результатов, все зря. У вас, системщиков, хоть что-то работает, а у нас конца-края не видно, вот что обидно, понимаешь, Изольд?» Вот у кого были золотые руки классного механика, так это у Бори. Не хотели работать механические сложные роботы в условиях цементной грязи, пыли, технологической неразберихи. Может быть, это настроение сыграло свою роль в последующем инфаркте и смерти еще молодого Бори.

Мы дружно жили и в институте, и особенно в командировках, ибо делали одно дело. Но иногда нас охватывало отчаяние от, казалось бы, ненужности и неэффективности нашей работы, от неадекватности прилагаемых усилий и получаемого результата, от постоянной борьбы с руководством, с министерством, с заводами, с сотрудниками, с собой.

А вообще-то мы жили интересно. Организовывали вечера, капустники, выпускали газеты, устраивали фотовыставки, участвовали в разных спортивное соревнованиях – на лыжах, по плаванию, в шахматах, играли в бадминтон, даже в лапту, ездили в однодневные дома отдыха, на лыжных стрелах, ходили в походы по выходным в командировках. Много лет по воскресеньям ездили в бассейн СКА. Абонементами организовывал и руководил секцией Аркадий Стеркин. Мы были молоды, было много энергии, все любили бардовские песни, друг друга, были во многом единомышленниками. В нашем отделе регулярно устраивали веселые капустники. Я фотографировал и выпускал фотоальбомы.

А сколько раз приходилось работать на овощных базах, на колхозных полях на прополке и уборке свеклы, капусты, картошки.

Я довольно быстро стал руководителем направления по сырьевым мельницам. Когда мы создали типовую установку КРС, появилась необходимость ее тиражирования на другие заводы. И тогда несколько человек отправилось на обследования. Надо было объездить все более-менее хорошие заводы, а их оказалось не менее половины действующих. Я взял на себя Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию, Кавказ.

После такого обследования и нашего выбора мы ежегодно собирали совещания в объединении, приглашали на них представителей этих заводов, а также производителей наших установок, монтажников и наладчиков, и составляли по каждому объекту график внедрения. Это была огромная работа, длилась она ряд лет, пока большинство заводов не были оснащены этой техникой. Мы с Гельфандом старались управлять этим процессом, также я вел статистику по всем внедряемым устройствам всех основных переделов цемзаводов, составлял отчеты, готовил материалы для министерства. Попутно много времени уходило на совершенствование этих установок, внедрение новых датчиков.

Создав типовые установки КРС, РЗМО и другие для цементной промышленности, мы стали искать новые технологии для их применения, чтобы можно было их привязать к похожим агрегатам в других отраслях стройматериалов. Пришлось объездить для этого несколько предприятий стеновых материалов, кирпичных заводов, даже побывал на трех стекольных заводах – в Саратове, в Паневежисе, на Сходне. Надо было выбрать головной объект для каждой отрасли. Так, стали работать в Днепропетровске и Лисичанске на шаровых мельницах, а на Сходненском стекольном заводе под Москвой создавали установку по автоматизации струйных мельниц, очень прогрессивных по сравнению с шаровыми, фактически мельниц нового типа – противоточных струйных без шаровой загрузки, когда грубомолотые материалы разгоняются с огромной скоростью потоком воздуха навстречу друг другу и измельчаются. Несколько лет ушло на работу на этих объектах.

За эти годы в отделе сменилось несколько начальников. Были Михайлюта (имя, отчество забыл), Цирульников Семен Моисеевич, Шкалевич, приглашенный из Гипроцемента, потом неизвестно откуда взявшийся Ларченко Анатолий Афанасьевич, Смирнов Валентин Васильевич. Несмотря на частую смену руководителей, общее направление работ не менялось, мы старались все принципиальные вопросы решать сообща. Очень напряженно и слаженно работали отдел и лаборатория, входящая в его состав. Разрабатывались и испытывались системы контроля и управления для многочисленных агрегатов и технологических схем производства цемента, как мокрого, так и сухого способов.

Но, как и в любом живом организме, были и болезни «роста», трения, борьба группировок, ссоры, разрывы отношений. Много проистекало оттого, что в одном отделе была и научная, и проектная части. Научная часть выдавала основные решения, проектная часть должна

была их реализовывать, разумеется, с привлечением научной. И я подчас ссорился с нашей научной частью. Они почти всегда хотели реализации сложных решений, ибо только их можно было запатентовать, на их базе написать диссертацию. Я же хотел, чтобы решения, а соответственно и установки, были проще и понятнее заводчанам, с такими легче работать, настраивать, их проще эксплуатировать. Пусть даже при этом придется немного поступиться качеством. Мне, как отвечающему за реализацию решений, хотелось, чтобы все было понятно и чтобы эффективно работало. И это противоречие между желанием сложных решений и плохими условиями их внедрения в тяжелых производственных цехах попортило всем много крови. За авторские свидетельства платили деньги, за диссертации тоже, это и побуждало.

Я всегда считал, что платить надо за конкретную работу, кто бы ее ни делал, а не за звание. Поэтому и сам не стал писать диссертацию. Чтобы стать кандидатом наук, надо было сдать три экзамена – по иностранному языку, по марксизму-ленинизму и по специальности. Потом выбрать тему и несколько лет ее разрабатывать, потом писать, собирать рецензии, защищаться. Я посчитал, что этого мне не осилить, да и времени было жалко. Я наивно полагал, что надо за диссертации отменить надбавки, тогда их будут писать не все кому не лень, а только истинные ученые, которые не могут работать иначе. А по всей стране во всех отраслевых институтах было именно такое нездоровое положение вещей, как разделение единой организации на научную и проектную части, что и приводило в итоге к противоречиям, обидам, болезням, и мы этого также не избежали. Может быть, я был не прав, меня и раньше ругали за эту точку зрения.

Мы, конечно, пытались совместить научную и проектную части, все делали сообща, и в командировки ездили вместе, и на испытания, и на сдачу систем, но все же трещина время от времени проявлялась. Я настаивал, чтобы системы были простыми, только тогда они смогут нормально работать в тяжелых условиях цементного производства. Но мне отвечали, что им неинтересны простые решения, если они могут быть более изящными и сложными.

Мне же все труднее и труднее становилось защищать нашу тематику в министерстве, выбивать на это деньги, ибо я отвечал за финансирование своих многочисленных объектов. Появившиеся в обиходе даже простые слова, например «алгоритм управления», в министерстве не воспринимались никак, над словом «алгоритм» посмеивались. Особенно усердствовал в этом деле, тормозя развитие всех научно-исследовательских работ, тогдашний главный энергетик, с которым приходилось согласовывать и перечень, и объемы всей тематики.

Наверное, это тот случай, когда было две правды, то есть когда были правы и те, и другие. Надо было найти что-то третье, чтобы в нем было место всем, чтобы всем было интересно, чтобы в этом третьем сочетались все-таки интересы всех: науки, проектной части, заводчан, министерства.

Итак, первая часть моей деятельности состояла в модернизации специализированных устройств и создании типовых установок для помола сырья в разных отраслях. В основном работы велись на следующих объектах: Чимкентский цемзавод, цемзавод «Октябрь» в Новороссийске, Лисичанский и Днепропетровский заводы стеновых материалов, Сходненский стекольный завод, но в основном на первых двух.

После работ на цемзаводе «Октябрь» базовым объектом на много лет стал Чимкентский цемзавод. Сначала работы велись на одной сырьевой мельнице, позже и на остальных. Потом стали внедрять управление другими цехами уже с помощью средств вычислительной техники. Много раз приходилось ездить в Чимкент, с заводчанами у нас сложились отличные отношения. А с бывшим в то время начальником цеха КИП Шапошниковым Василием Васильевичем и членами его семьи мы дружим до сих пор.

Вместе с руководителями отделов я занимался также общим руководством внедрения всех установок автоматизации в цементной отрасли: кроме своих «родных» сырьевых мельниц мельницами цементными, вращающимися печами, болтушками и др. Составлял общие планы внедрения таких установок на конкретный год, на такую-то пятилетку, на следующую, соби-

рал акты внедрения, эффективности и т. д. Мы представили эти установки для демонстрации на ВДНХ и получили медали – золотые, серебряные, бронзовые. Несколько лет ушло на подготовку материалов, демонстрацию, обслуживание на выставках и стендах ВДНХ.

Вот почему так много приходилось ездить в командировки. Много объектов, несколько источников финансирования – предприятия и Минстройматериалов. Работы не простые, часто затягивались на несколько лет. Надо было построить для установок помещения в цехах, проектировать и получить кабель, заказать, получить и смонтировать сами установки, часто охватывающие все агрегаты цеха, наладить, испытать и сдать их заводу в промышленную эксплуатацию, рассчитать и подтвердить экономический эффект, подобрать и обучить коллектив из заводских работников для их обслуживания. Конечно, я был не один, у меня была своя бригада, свой сектор в отделе. Особенно хочется отметить моих товарищей: Юрия Ивановича Дубинина, Юрия Яковлевича Крахтамова, Семена Борисовича Непомнящего. Это была мобильная, дружная и сплоченная бригада. Мы и отдыхали часто вместе с семьями.

Этот этап работы закончился тем, что почти все цементные заводы страны были оснащены нашими установками.

Когда появилась вычислительная техника и ее стали использовать в системах, началась другая жизнь. Сначала институт сосредоточился на трех базовых объектах цементного производства мокрого способа – Себряковском, Чимкентском и Новороссийском «Пролетарии». Меня назначили главным конструктором последних двух объектов. На этих объектах, благодаря возможностям вычислительной техники, отработывались новые технические решения, усложненные системы. Объекты были разными, поэтому, чтобы разработать и опробовать типовые решения с помощью ЭВМ для последующего тиражирования, на них и были сосредоточены основные силы института – проектная, конструкторская, исследовательская части. Заводы это понимали, всячески шли нам навстречу, способствовали подбору сотрудников в группы по обслуживанию, а мы находили специалистов, подчас из других городов, проводили их обучение.

Со временем открыли при своем институте базовую кафедру, где готовили одну из групп технологического института, читали им лекции, организовывали практику, потом распределяли на наши объекты. Так и я получил для Чимкента, а потом и для Новороссийска ряд молодых специалистов, на которых потом, когда мы перешли на другие объекты, все и держалось. Приходилось заниматься выбиванием жилья для них. Моя задача состояла в организации поставок комплектующих, ЭВМ, кабеля, в участии в испытаниях систем, в контактах с руководством заводов.

Постепенно работы сосредоточились в Новороссийске на цемзаводе «Пролетарий», где появилось более современное технологическое оборудование. Но и с Чимкентским цемзаводом долго еще не расставались, ибо постоянно приходилось или что-то усовершенствовать, менять технику, в том числе и вычислительную, на более современную, или приезжать и разбираться, почему что-то идет не так. Это называлось авторским надзором. Чимкентскую группу АСУ возглавлял Ямшанов Алексей Афанасьевич, новороссийскую – Зискель Анатолий Семенович. Оба специалиста высочайшего уровня, каждый в своем роде, с ними меня связывали добрые дружеские отношения, особенно с последним и его замечательной семьей.

Толя Зискель попал на завод сразу после окончания технологички. Прошел хорошую школу в КИПе, потом в отделе АСУ. Ряд лет работал директором цемзавода «Пролетарий». Много я повидал директоров, но такого необычного директора не встречал. Он говорил тихим голосом, но его все слышали, никогда не ругался, знал на заводе всех и все до последнего, как говорится, винтика. Заводчане его очень ценили и уважали. В начале перестроечных лет, когда директоров стали выбирать на собраниях, выбрали его, несмотря на жесткую конкуренцию. И завод почти сразу пошел в гору, выросли заработки, технология и работа оборудования приблизились к норме.

Много раз приходилось участвовать во всяких совещаниях, конференциях, семинарах. Один раз был участником школы-семинара на озере Иссык-Куль, что проводили «фрунзенцы». Так мы называли сотрудников отдела автоматики Академии наук Киргизии, с которыми поддерживали тесные творческие контакты. Они занимались автоматизацией Кантского цемзавода. Ездил в Суздаль на конференцию по экономике, в Алма-Ату и Ташкент – на минприборовские совещания. Не забуду, как с любимым мною Мишей Левиным, очень умным и ироничным, бродили по Суздалью по вечерам и в перерывах между выступлениями, ездили на экскурсии, и о чем бы ни говорили, с ним всегда было интересно. Однажды он вдруг сказал: «Помнишь, у Салтыкова-Щедрина один мужик семерых кормил? А как ты думаешь, сколько народу кормит сейчас один колхозник?» И долго еще мы возвращались к этой теме, почему так все вышло и что нужно сделать, чтобы экономика в стране работала нормально. Мне тогда казалось, что выборность руководства от лаборатории, отдела, института, до цехов и предприятий в целом есть панацея от многих бед.

Был у меня и в Ташкенте друг по фамилии Гудыма, он работал в отделе АСУ при Минстройматериалов Узбекской ССР, курировал все работы по республике, я часто останавливался в Ташкенте в его доме, иногда вместе ездили в Навои. Он по вечерам ремонтировал телевизоры, а также собирал в те далекие времена классные магнитофоны с редким тогда стерео- и квадразвучанием, которым я заслушивался в его маленькой мастерской.

Поскольку огромный объем работ, выполняемый по комбинату «Новоросцемент», одному нашему институту было не осилить, мы создали в Новороссийске целую организацию НСПКТБ, и в дальнейшем работали с ними бок о бок, согласовывали характер и объем всех работ. Проектно-конструкторское бюро и монтажно-наладочное управление вошло в состав Новороссийского треста нашего объединения. Когда они набрали силу, стали выполнять работы и на других объектах страны – в Себряках, Черкесске, Караганде, Арарате и др.

Потом в моей жизни, помимо Чимкента и Новороссийска, появились новые объекты. Стали строиться и у нас более современные и экономичные заводы, так называемого сухого способа производства.

И меня назначили ответственным по двум мощным заводам этой серии – Спасскому и самому крупному в стране – Новойскому, что находится в очень красивом современном городе Навои между Бухарой и Самаркандом. Множество раз приходилось ездить на эти заводы, пока шли работы по привязке, монтажу, потом испытаниям систем сначала на одной технологической линии, потом на других.

Еще одним из направлений моей работы было курирование организаций, занятых автоматизацией на других цементных заводах. Автоматизация основных цехов цементных предприятий, разбросанных по всей стране, даже нашему мощному объединению оказалась не под силу, и наше министерство попросило Минприбор подключить какую-либо свою организацию к этому делу.

Минприбор выделил одну из своих фирм в Грозном. Мы предоставили им несколько заводов, включали их во все наши планы. Эти заводы оказались одними из лучших в отрасли: Карачаево-Черкесский, Акмянский и Ульяновский. Заводы эти были мокрого способа производства, и мне пришлось их курировать, включать в планы, участвовать в выделении финансов, согласовывать ТЗ, участвовать в сдаточных испытаниях, улаживать их споры с заводчанами и в республиканских министерствах. Много раз приходилось ездить в Черкесск и в Акмяне, встречаться с ними на других объектах, бывать в Грозном, они тоже часто приезжали к нам. Это была по-настоящему совместная работа. Еще они работали на Новойском и на Спасском цемзаводах, часто приезжали к нам для согласования объектов, работ, планов финансирования заводов. Вначале «грозненцы» были очень слабы, но быстро учились, много изобретали, и в итоге вышли на приличный уровень. Хотя часто бывали у нас с ними споры по принципиальным вопросам управления агрегатами, особенно вращающимися печами. По мельни-

цам они в основном повторяли наши решения, по печам наизобретали много своего, сделали несколько толковых приборов.

Постепенно круг по внедрению систем с использованием средств вычислительной техники расширялся, и мне приходилось вести статистику по всем объектам, собирать акты внедрения, эффективности, сравнительных характеристик и т. д.

В 80-е годы, когда появились персональные компьютеры, а потом и устройства связи компьютеров с внешними датчиками и исполнительными механизмами, с большой памятью, системы приняли современный вид. А сколько прежде было споров – ставить одну большую центральную машину для управления процессами производства либо в каждом цеху по своей? Только об истории применения средств вычислительной техники для контроля и управления производства цемента можно написать не одну страницу. Но настала эра контроллеров и персональных компьютеров с их потрясающими возможностями, и все споры быстро закончились.

Но все же немало успели и сделать. На многих заводах выработавшие свой срок локальные типовые установки КРС, РЗМО и другие были заменены на типовые системы с использованием средств вычислительной техники как отдельными цехами, так и крупными предприятиями с центрального поста управления. Кроме управления технологическими процессами разработали системы для заводского персонала – бухгалтерии, плановиков, энергетиков, сбытовиков и других.

До этого много раз меняли вычислительную технику прямо на объектах, пока не вышли на использование контроллеров и персональных компьютеров и для управления, и для контроля, и для задач чисто экономических – бухгалтерских, сбытовых, ремонтных и др.

Институт и объединение, как сейчас мне кажется, работали в целом слаженно и с хорошим эффектом. Многого хотелось сделать. Чересчур много объектов было и у меня. Много времени уходило на координацию и курирование работ подшефных фирм – «грозненцев» и Новороссийского НСПКТБ, на поездки в министерства для согласования планов, выделения финансирования, отчетов о проделанном. Институт наш был отраслевой, и отдел был тоже отраслевой, всему руководству объединения, института, отдела приходилось этим заниматься.

Хорошо бы нашелся кто-нибудь, кто написал бы историю расцвета и упадка нашего объединения. Возможно, это была бы типичная история отраслевых фирм тех лет.

Как изменилась жизнь за несколько десятилетий. Сейчас повсюду компьютеры, интернет, телефоны в кармане, ксероксы, ризографы.

Я помню время, когда все сотрудники нашего института ходили звонить к секретарше директора по единственному телефону в город или, того хуже, в межгород через девятку, которая к тому же постоянно была занята (несколько других выходов в город были у руководства).

И сами бегали к секретарше, если кому-то удавалось до нас дозвониться. Это было мучительно.

Эта глава, в отличие от всех остальных, пишется сейчас, в 2000 году, и с удивлением замечаю, что помнится очень многое. Иногда вплоть до мелочей. Например, как все праздники и Новый год дружно отмечали в отделе, как не раз ходили по ночам в смену, как играли в настольный теннис в Ахангаране, а с Юрой Дубининым – в большой теннис в парке цемзавода «Октябрь» в Новороссийске, как вместе отдыхали в редкие выходные в Чимкенте на Комсомольском озере, в Новороссийске на Косе и в Абрау-Дюрсо, как играли в первые годы в лапту в обед на пустыре у нашего института или в хоккей на озере в парке, или в бадминтон у стен института, как дружно каждый год ходили на демонстрации 1 мая и 7 ноября, да мало ли что.

В день своего рождения я нечасто бывал дома: конец года, надо успеть сдать систему, подписать акт. Отмечали в гостиничных номерах. И один из таких дней запомнился на всю жизнь. Дело было в Чимкенте. Этот день – 22 декабря – приходился на День энергетика. Во Дворце цементников было принято отмечать этот день. Весь день в КИПе и у энергетиков готовили салаты, закуски, горячее, выпивку. Вечером сначала, как водится, торжественная часть, потом

все рассаживаются за накрытыми столами в фойе. В этот раз среди прочих тостов был и тост обо мне, ибо в этот день мне исполнилось 50 лет. Были приветствия, подарки, медаль «50», сделанная большим умельцем по такого рода делам Лешей Ямшановым, торт с пятьюдесятью свечками. Ближе к ночи все вышли во двор и устроили фейерверк.

Работе на каждом объекте можно посвятить отдельную главу, может быть, когда-нибудь продолжение и напишется.

Ассоциация пользователей АСУ и КИП цементных заводов Союза

Как-то в середине 80-х годов пришла мне в голову мысль, что на многих заводах, где мы работаем над созданием систем и средств автоматизации, существуют похожие проблемы по техническому оснащению, по условиям эксплуатации, по программному обеспечению АСУ, по подбору и обучению кадров и др. И хорошо было бы собрать в одном месте руководителей служб эксплуатации совместно с разработчиками для рассмотрения всех назревших вопросов, обмена информацией, просто знакомства и установления взаимных связей. Я долго ходил с этой идеей к руководству института. Руководство соглашалось со мной, но ничего не делало.

И тогда я понял, что надо действовать самому. Будучи как-то в Новороссийске, договорился с руководством комбината, что нас примут в октябре, разработал программу с конкретными докладчиками, лекциями, посещением цехов, направил ее с сопроводительными письмами на заводы. И на правах зачинателя провел первое такое совещание (или конференцию, что звучит более солидно). Конференция продолжалась три дня, потом была, как и полагается, культурная программа – в один из дней комбинат выделил автобус, состоялась экскурсия по городу, окрестностям, в Дюрсо, в Абрау, в дегустационный зал. Всем понравилось, решили организовать Ассоциацию, выбрали Совет и меня председателем, решили регулярно собираться и в дальнейшем. Все перезнакомились, завязались связи, и это, пожалуй, было самым главным.

По результатам работы (а я не только руководил, но и конспектировал все выступления) выпустил подробнейший отчет, добавив в виде приложения информационно-справочные материалы по внедренным средствам и системам управления, и разослал его всем участникам.

На следующий год я выбрал другой завод – Рыбницкий. Снова доклады, сообщения, обсуждения, знакомство с цехами завода. В день отдыха был зафрахтован теплоход и мы прокатились до лесопарка по Днестру и обратно. После конференции мною тоже был сделан подробный отчет для всех участников. В 1989 году все повторилось, но уже в городе Черкесске на Карачаево-Черкесском цемзаводе. На экскурсию ездили в Архыз. В 1990 году собрались в городе Навои, жили, как всегда, вместе в гостинице, где по вечерам в каком-нибудь номере продолжались разговоры о деле и о жизни. На экскурсию ездили в Бухару. Экскурсии всегда были на следующий, как правило четвертый, день, после основных трех совещательных.

В 1991 году собрались в Липецке. В начале этого года я вышел на пенсию и в институте уже не работал, но готовил и проводил такие конференции уже от имени Ассоциации. Бывал в министерстве, согласовывал с ними планы работы Ассоциации, программы конференций, снабжал их и заводы необходимой справочной информацией.

Последние три совещания проводились в Новороссийске в 1992, 1994 и 1995 годах. Жили в домиках за городом в пансионате завода «Пролетарий» в Широкой балке, вместе питались, вместе бродили по красивым местам побережья, вместе занимались в помещении библиотеки. В последний год конференция стала международной, в ней принимали участие немецкие специалисты фирмы «Сименс».

Несколько раз в конференции принимал участие мой двоюродный брат Эммануил из Института проблем управления. Он читал весьма интересные лекции, знакомил участников с последними достижениями современных систем управления.

Забавно, что начинали мы с ним вместе еще в 1954 году в НИЛА, где я писал диплом, а он уже работал, и завершил я свою основную работу тоже будучи вместе с ним в том же 1995 году в Новороссийске в Широкой балке, где жили мы рядом в домике, вместе делали зарядку, бегали, завтракали, купались, участвовали в работе, бродили по красивым окрестностям, вспоминая прошедшие времена. И теперь, спустя пять лет, он, в отличие от меня, еще продолжает активно работать, ничуть не меньше, чем раньше, консультирует, проводит тендеры, пишет книги, статьи, справочники. Он просто молодец. А когда он приезжает в Питер, мы любим бродить по центру города или ездить в пригороды – Пушкин, Павловск, Петергоф.

Отчеты по каждой конференции получались у меня многостраничными: я старался втиснуть в них всю известную информацию, существующую в области разработки и внедрения средств и систем автоматизации цементных предприятий. Так, отчет о работе конференции за 1988 год составил 69 страниц, в другие годы чуть меньше. Отчеты за последние годы были и вовсе тонкими, ибо в начале 90-х годов цементная отрасль, ориентированная в свое время во многом на ВПК, стала переживать не лучшие времена, выпуск цемента резко сократился, развитие автоматизации уже мало кого интересовало, лишь в конце 90-х годов вновь наметилось оживление и отдел, в котором я столько лет проработал, перешедший в начале 90-х годов в Гипроцемент, уже не страдает от отсутствия работы.

До сих пор в моем архиве хранятся отчеты по этим конференциям, состав и фотографии участников, протоколы принятия решений.

Книги

Первый опыт написания книги был опять же с моим братом Эммануилом. В большом и толстом справочнике по производству цемента был наш раздел «Автоматизация производства», где текст был справедливо поделен пополам, ему – теория автоматического управления, мне – конкретные производственные решения, реализованные к тому времени. Потом уже Яков Евсеевич Гельфанд пригласил меня поработать над книгой по автоматизации процессов дробления и помола, и я многому научился в этой совместной работе.

Наконец, однажды я был вызван к главному инженеру Сергееву, где мне было предложено написать учебник по автоматическому регулированию и регуляторам в промышленности стройматериалов. Оказалось, что в институт из министерства пришло письмо с предложением подобрать авторский коллектив для его составления и издания. Сергеев составил список, но все почему-то отказывались. Я обещал подумать, долго и мучительно размышлял, советовался и согласился не скоро. Одно дело – писать что-то по конкретной тематике, в чем сам принимаешь участие, что знаешь на собственном опыте. Другое дело – учебник, да еще на достаточно общую тему, хорошо разработанную к тому времени, где известные вещи надо изложить четким, ясным и понятным языком и по возможности кратко, а потом уже добавить конкретные примеры из области автоматизации различных производств.

У учебников всегда много сложностей с прохождением и согласованием содержания с учебной программой, текста с редакцией, рецензентами и министерством, а потом и утверждением текста в качестве учебника.

Тяжело далась мне эта книга, писалась она дома вечерами и даже ночами, когда в нашей маленькой квартире дети засыпали, и наступала тишина, также по выходным в Публичке, иногда в Новороссийске, если удавалось поселиться в отдельном номере. Зато потом другие книги писать было легче, был опыт, он пригодился и для следующих книг.

Потом был второй учебник о монтаже, наладке и эксплуатации автоматических устройств, уже в соавторстве с работником нашего монтажного треста.

Спустя несколько лет эти книги были доработаны и переизданы. Так, первый учебник вышел еще в 1979 и в 1985 годах, а второй – в 1984 году.

Потом, наверное, я вошел во вкус, мне нравилась эта деятельность, и последовательно, уже в соавторстве, вышли еще две книги, одна в 1981 году, другая в 1986 году. Последним был справочник по автоматизации цементного производства, изданный в 1991 году, выпущенный в рамках Ассоциации и посланный на большинство цементных заводов. Много было написано статей, в основном они публиковались в журнале «Цемент», а книги, кстати, выходили в издательстве «Стройиздат». Оно находилось тогда на площади Островского, куда приезжать по делам всегда было приятно, уж очень хороша эта площадь с драмтеатром, Публичкой, памятником Екатерине II. Были и авторские свидетельства.

Много времени и сил уходило на книги, трудно давались, примерно год тратился на рукопись, потом еще год, а то и больше на согласование, доработку, утверждение. Вышло всего десять книг.

Перечень книг

- *Гинзбург И. Б., Ицкович Э. Л.* Раздел автоматизация производства в «Справочнике по производству цемента» / Под. ред. И. И. Холина.
– М.: Госстройиздат, 1963.
- *Гельфанд Я. Е., Гинзбург И. Б.* Автоматическое регулирование процессов дробления и помола в промышленности строительных материалов. Л.: Стройиздат, 1969.
- *Гинзбург И. Б.* Автоматическое регулирование и регуляторы в промышленности строительных материалов. Л.: Стройиздат, 1974; 1979; 1985.
- *Гинзбург И. Б., Титов Ю. А.* Монтаж, наладка и эксплуатация автоматических устройств в промышленности строительных материалов. Л.: Стройиздат, 1976; 1982.
- *Гинзбург И. Б., Непомнящий С. Б., Трачевский М. Л.* АСУТП в промышленности строительных материалов. Л.: Стройиздат, 1981.
- *Гинзбург И. Б., Смолянский А. Б.* Автоматизация цементного производства (справочное пособие). Л.: Стройиздат, 1986.
- *Гинзбург И. Б.* Справочник по автоматизации цементного производства. Л., 1991.

В 90-х годах в журнале «Цемент» регулярно печатались мои справочные статьи на тему автоматизации цементного производства по материалам очередной конференции руководителей служб АСУ и КИП цементных заводов.

Командировки

Как-то в институте, сидя на длинном и скучном совещании у главного инженера, я от нечего делать стал вспоминать, где и когда я успел побывать, в каких походах, поездках и командировках. С тех пор так и повелось: в специальном блокноте после возвращения я всегда отмечал, где был, когда и сколько дней. Поэтому сохранились все даты и перечни мест. За каждой строкой перечня всегда было много неизбежной суеты и труда: билеты, вокзалы или аэропорты, поезда или самолеты, гостиницы или просто скамейка в парке, лавка на вокзале, даже палатка за городской чертой (было и такое).

Командировки – это немалая часть моей жизни. Примерно треть времени в году приходилось бывать в командировках, часто переезжая с места на место. Если даже грубо прикинуть общее число командировок, окажется, что их за 34 года работы в институте с 1957 по 1991 год было около 270, и с 1992 по 1995 год во время работы в Ассоциации пользователей АСУ цементных заводов – 11. Причем только в Москву или через Москву ездил более 120 раз, в Новороссийск – 84 раза, в Чимкент и Ташкент по 64 раза и т. д. Любил бывать в столицах Прибалтийских республик, в столицах Средней Азии, особенно в Алма-Ате и Ташкенте, в Кавказских республиках.

В Алма-Ате, когда была возможность, ездил в выходные на высокогорный каток в Медео, брал напрокат коньки и катался часа два, а потом ходил в горы в Горельник, Чимбулак и выше к перевалу, однажды даже заночевал высоко в горах на какой-то базе, кажется, она называлась «Эдельвейс».

В Новороссийске любил выезжать в Абрау, Дюрсо, ночевать в Лиманчике на берегу моря. И всегда старался водить в эти места новеньких. В первые годы работы, когда Себряковский цемзавод и цемзавод «Пролетарий» в Новороссийске были главными базовыми объектами института, в Новороссийск приезжало много сотрудников института, тогда на выходные мы устраивали коллективные поездки за город. Жили в палатках, жарили шашлыки, купались в море, вечерами пели песни у костра. Веселое было время. Несколько раз летом, когда в гостинице жарко и душно, я привозил свою палатку, устанавливал ее либо в Дюрсо на склоне горы у моря, либо у входа на косу, днем уезжал на комбинат, вечером возвращался в свой «домик». Иногда ездил в Геленджик, в Анапу, в Широкую Балку.

В последние годы комбинат «Новоросцемент» всегда бронировал мне место в гостинице «Новороссийск» в любимом одноместном номере на 9-м этаже с видом на Цемесскую бухту. Я сбрасывал все теплое дорожное, бежал купаться, потом шел на базар за овощами-фруктами, просто гулял по красивому городу, по набережной, где бегал по утрам. Было радостно на душе.

С Чимкентом и особенно Новороссийском связано много счастливых дней. И там, и там сложился определенный круг друзей. И там, и там можно было устроиться на ночлег. И там, и там приятно было видеть, как идут дела, как развиваются и работают системы. Но и вкалывать приходилось изрядно, особенно во время испытаний и сдачи систем в эксплуатацию.

Конечно, большей частью командировки были чисто производственными: наладка, испытания и сдача систем автоматизации в эксплуатацию. Были поездки в министерство в Москву по делам или за централизованным финансированием, или для согласования и утверждения технических заданий, утверждения планов по новой технике. Но всегда пытался работу совмещать с осмотром достопримечательностей, чего-нибудь интересного, сходить в музей, на выставку, на концерт, в театр.

Хочется кое-что пояснить. Были командировки-однодневки и были на месяц, были в одно место и сразу во множество. Это зависело от цели. Москва посещалась часто либо проездом, например, утром приехал, а вечером уже куда-то надо ехать дальше, либо приезжал

по делам в министерство, где всегда все было непросто. Массу времени пришлось провести в министерских кабинетах и коридорах.

Поскольку мы вели работу на многих цементных заводах страны, частенько приходилось посещать и республиканские министерства, особенно в Алма-Ате и Ташкенте, реже в Баку, Ереване, Тбилиси, Вильнюсе. Дело в том, что по какой-то традиции большинство цемзаводов располагались вблизи столиц либо крупных городов. Заводы имели большие отличия, и чтобы внедрить наши системы управления основными агрегатами – печами и мельницами – приходилось объезжать все заводы, выявлять эти особенности, составлять соответствующие протоколы, где отмечалось, что должен сделать завод, а что мы для размещения и внедрения средств автоматизации.

Поэтому несколько таких поездок похожи на путешествия по столицам. Хотя целью было объездить за один раз не менее пяти предприятий, но если при этом по пути попадались какие-либо экзотические места, старался не пропустить их, не проехать мимо. В этих поездках всегда нравилась перемена мест, встречи с новыми людьми.

Несколько сохранившихся описаний больше похожи на экскурсии (именно в этих случаях по большей части и писалось). Это скорее исключение, ибо правилом в командировках обычно была неустроенность, добывание с трудом билетов на транспорт, места в гостиницах, выматывание нервов в министерстве, и много других, не всегда приятных моментов.

Командировки – это целый мир, большой кусок жизни, тяжелый и легкий, грустный и счастливый, чаще все-таки трудный. Но память так уж устроена, что хорошее всегда помнится.

ОТРЫВКИ ИЗ ЗАПИСОК ВО ВРЕМЯ КОМАНДИРОВОК По Средней Азии и Кавказу. Апрель 1965 г.

Итак, снова в путь. На этот раз вдвоем с Юрой Крахтановым. Правда он сопутствует лишь часть пути. Мой же путь, о котором я всегда мечтал – это проехать всю Среднюю Азию, переплыть Каспий и далее по Кавказу. Это подряд 7 столиц, включая город Повелителя Вселенной – Самарканд. Так вышло, что рядом со столицами республик находятся небольшие городки с цементными заводами, которые мне предстоит обследовать на предмет внедрения в будущем средств и систем автоматизации. Первым был город Кант под Фрунзе. Потом на поезде поехали в Чимкент.

Поезд пришел в Чимкент в 4 утра по местному времени. 3—4 часа поспав, отправились на завод. Завод знакомый вплоть до каждого крана и какой-то родной. Видимо, правда – во что больше вкладываешь сил, то и дороже. Два завода дороги мне – Руставский и Чимкентский, и еще новороссийский «Октябрь».

Я помню здешний завод чуть не в развалинах, строящийся. Цех, где мы внедряли автоматику, работал плохо, никто не верил ни в нас, ни в наши приборы. Опускались руки, и однажды было так тяжело, что захотелось плюнуть на все и уехать. Но взяли себя в руки, продолжали бороться, сумели довести дело до конца. То нет сырья, то морозы ударят и померзнет аппаратура, то сотни других неполадок. И так бы мы ничего не сделали, если бы нас не поддержали местные ребята из

КИПиА и главный инженер. С того времени завод пошел в гору, и приятно сознавать, что в этом и моя есть доля – цех стал неузнаваем, производительность повысилась почти вдвое. Раньше мельницы то текли, то выбрасывали сырье назад и машинист бегал по цеху, как угорелый. Сейчас все щиты с автоматикой собраны в отдельной комнате – операторской – на площадке. Комната застеклена, шуму меньше, пыли мало, пол покрывает линолеум, на едином пульте управления работает сотня лампочек, приборов, регуляторов.

28 работников цеха перевели в другие производства. Но этим дело не ограничилось. Работа в цеху все улучшается и по мелочам, и по-крупному. Лучше стали дробить материал, хорошо сортировать мелющие шары. То же самое стали делать в других цехах. Обо всем новом, что я узнаю, я пишу на завод. И кое-что из этого внедряется. Меня здесь всегда принимают отлично все – от рабочих до главного инженера. С начальником цеха КИП Шапошниковым Василием Васильевичем вообще подружились. Мы с Юрой помогли в настройке приборов, устроили небольшой экзамен, выявили, почему цеха стали хуже работать, с нами все согласились.

Раньше директор безразлично относился к автоматике, теперь говорит мне: «Все, что узнаете о чем-нибудь новом, пишите, будем пробовать». И приятно, что делают не для показухи, а для себя, для завода.

Два с половиной дня мы с Юрой трудились, затем погуляли по городу и уехали в Самарканд.

Памятники Самарканда прекрасны. На улицах города много народа, возможно потому, что суббота базарный день, хотя торговать особенно нечем. Готовят на жаровнях шашлыки, плов, продают лепешки, сладости, много ишаков с «шейхами», а рядом автобусы, «Волги». Попадаются живописные и колоритные фигуры местных жителей. Встречаются женщины в чадрах, несущие на головах тяжелые тюки, одетые очень тепло. Иногда обращают на меня внимание, так как на мне два фотоаппарата и один киноаппарат. Мне надоело их везе таскать на себе, но охота пуще неволи. Я дома не прощу себе этого: что значит маленькое неудобство сейчас по сравнению с возможностью иметь какой-либо шикарный кадр? Часто встре-

чаем немецких туристов, хотя экскурсантов немного. В Мавзолее Гур-Эмир мы с Юрой были вообще одни.

Воскресный день мы провели с Юрой в Бухаре, его поезд уходил днем на Кувасай, мой – ночью на Ашхабад.

Плыву на пароме по Каспию. Кругом море, берег давно скрылся, скоро должны быть нефтяные камни Баку. Пасть парома «Советский Туркменистан» проглотила один или два груженных состава. Пассажиры прогуливаются по верхней палубе, где расположены каюты 1, 2 и 3-го классов, салон, ресторан. Море спокойно, только буруны у кормы и в хвосте. Люблю море. За что? Не знаю. Вот пустыня, как море, даже растет там что-то, верблюды ходят. Видел я одnogорбых под Ашхабадом и по дороге на Красноводск. Экзюпери так красочно воспел пустыню. А море голо, куда ни посмотри. Но мне пустыня не нужна, глядеть на нее более получаса скучно. А вот на море – сколько угодно. Хорошо спать у моря и слушать его дыхание. Может быть, потому, что оно живое? Хорошо, что я выбрал путь морем. Не надо спешить, будь что будет. У меня отдельная каюта, 2-е место свободно. Перво-наперво помылся в душе, потом поел, а сейчас, как всегда, когда на корабле делать нечего, сижу на палубе, смотрю, пишу.

Когда причалили в Баку, шел легкий дождик. Я походил по старому городу. Пытался залезть на высоченную Девичью башню, долго ходил по ханскому дворцу, по музею искусств, по мокрому городу, под морозящим дождичком. Очень мне понравился старый город – узкие кривые улочки, неизвестно куда ведущие, старые обветшавшие дома. Кое-где сохранились купола мечетей и минареты. Зато дворец хана потрясает – он великолепно сохранился, там сейчас музей. Он расположен на вершине крепости очень компактно и продуманно. Мечеть с минаретом, развалины бани очень живописны, сверху видны отдельные комнаты, диваны, фонтаны. Словом, есть где походить и что посмотреть. Хорош музей, много скульптуры, полотна западных и наших мастеров. Есть и мои любимые, ибо я в третий раз в этом музее, например «Волга» Куинджи. А кто построил это здание? Оно прекрасно отделано изнутри. Оказалось, два брата-армянина – нефтепромышленники конца XIX века. Город красивый. Великолепный бульвар вдоль моря, парк на горе.

Сегодня еду на поезде из Баку в Ереван. Рядом течет Аракс, дорога тянется по ущелью. Рядом с дорогой высится частокол невысоких столбов метра два высотой, на которых протянута колючая проволока. Сверху проволоки натянут на роликах провод под напряжением. Далее вспаханные полосы, иногда мелькнут пограничники, заставы, вышки, что со стороны Ирана. Кажется, что граница совсем не охраняется. Горы темного цвета, в основном скалы, нависшие камни, осыпи. Наш поезд сопровождают пограничники, стоят в тамбуре каждого вагона.

Еду в город Арарат, где находится цементный завод. Но в выходные делать там нечего, да меня и не пустят без пропуска. Придется жить в Ереване. С трудом, но удалось устроиться в гостинице. Знакомлюсь с городом. Странно, что здесь нет никакой старины: ни башен, ни крепостей. Хотя оказывается, крепость была, но ее разрушили век назад при взятии города штурмом русскими войсками. Осталась одна полуразрушенная башня.

Посмотрел картинную галерею, исторический музей, довольно много экспонатов, сделано все с любовью. Был на выставке в доме Сарьяна. В галерее особенно много Айвазовского, оказалось, он армянин. Много русских художников – Серов, Коровин, Репин, Куинджи. Люблю их всех, особенно Левитана, Врубеля, Крамского. А вот к Репину равнодушен, хотя и понимаю, что огромен, многолик, разнообразен.

В воскресенье утром поехал в Эчмиадзин. Это с полчаса от города. Погода разгулялась, народу тьма. Я приехал в удачный день, была Пасха, ожидалась служба в соборе, причем самого Католикоса. Собор не из самых роскошных, что я видел, зато самый древний из действующих. Как будто I век нашей эры. Внутри довольно богатые росписи стен и куполов, висят религиозные картины. При соборе музей, очень богатый, много всяких крестов, кадилниц, перстов

указующих, макетов собора, старинных книг, ковров, шапок, богатой одежды прежних Католикосов. Огромный серебряный сосуд, в котором готовят мирру из цветов для помазания. Все целуют его и, прикоснувшись к нему рукой, касаются рукой лба. Много подарков. Вообще у армян нелегкая история, их часто пытались уничтожить, в 1915 году младотурки вырезали половину армянского населения, то есть 1,5 миллиона. Они поэтому очень ценят, что Россия взяла их под свою защиту. И официально, и сам народ, с кем ни поговоришь.

Мне объяснили, что всего в христианстве существует 3 церкви – католическая, греческая и армяно-григорианская. А остальные лишь их отростки. Так вот, центр армяно-григорианской церкви здесь, в Эчмиадзине. Здесь живет Католикос, которого, как и Папу Римского, избирают тайным голосованием после смерти прежнего, которого здесь и хоронят. Этот Католикос из румын, еще сравнительно молод. Кругом снуют очень молодые парни-служки, хорошо откормленные и безусые. Они здесь и живут.

И вот толпа зашумела и встала в два ряда от ворот виллы Католикоса до входа в собор. Я открыл все свои фотоаппараты и тоже встал в ряд. Ждем выхода Католикоса. Наконец он выходит. И вот процессия начинает медленно двигаться по образовавшемуся проходу. Шатер с красным верхом несут 4 монаха, под ним в высокой шапке в длинных расписанных одеждах с крестом в руке, осеняющим народ, шествует Католикос. Он сед, у него небольшая бородка, усы, невидящий взгляд. По бокам, спереди и сзади шествуют монахи, наряженные в соответствии с праздником, и что-то поют. В толпе много корреспондентов и любителей снимать. Один залез на заборчик и пристроился с объективом. За Католикосом толпа хлынула в собор. Открыли иконостас, и началась служба. Хорошо звучат голоса, хор поет негромко, но так, что хватает за душу. Наверно, призывают к добру. Все религии зовут делать добро. Это, а также красочность обрядов, привлекает людей.

Может быть, религия в просвещенный век должна сходить на нет, но медленно и не скоро. Ибо мало накормить человека, надо просветить его ум знанием и дать работу душе. Не все ли равно, какую исповедовать религию – важно быть человеком.

Аракатский цементный завод оказался ужасно грязным и пыльным. Отвратительно работает оборудование, контрольно-измерительных приборов нет никаких, стоят на площадке питателей голые щиты, десятки пустых щитов. Технология не выдерживается. Словом, один из худших заводов. Никто ничего не знает. Задаю элементарные вопросы, даже начальник производства не знает, что ответить. Главный инженер болтун, но, как ни странно, русский. И приняли меня плохо. А как хорошо меня принимают на Чимкентском цементном. Сразу же: ну, рассказывайте, что нового вы там изобрели. Дашь какую-нибудь идейку, сейчас же схватятся, скажут: вас хочет видеть главный инженер, зайдите к двум часам к директору. Внимательно выслушают все предложения, все мои замечания, немедленно принимают меры.

До поезда в Ереван оставалось 2 часа, и я еще раз прошел по заводу. Зашел полюбопытствовать в шиферное производство, где увидел

XIX век и вообще рабский труд. Работают три машины-линии, на каждой женщины вручную делают шиферные плиты. В колоссальном темпе, ни секунды не отдыхая, волнируют женщины шифер. На лежащую внизу форму одна укладывает шиферный лист, затем берут два куска трубы, нагибаются и быстро волнируют, т.е. придают ему нужную форму, затем кладут сверху новую форму, снова лист и т. д. Я бы не выдержал и полчаса. А еще жара. Мужчины сидят у машин – все-таки более интеллектуальный труд, а здесь только женщины. Я стоял потрясенный. И нельзя остановиться, передохнуть. Тяжкий труд.

Переночевав на вокзале, на следующий день уехал в Рустави на автобусе. Можно было вечером уехать на поезде, но я очень хотел посмотреть на озеро Севан, на Семеновский перевал и вспомнить ту дорогу, по которой 10 лет назад мы ехали с Розой. По дороге через стекло снимаю горы, Аракат, Аргац. У Севана еще лежит снег, деревья голые. На остановке знакомлюсь с шофером и прошу его остановить у озера. Он соглашается, останавливает автобус, я

выхожу и фотографирую чудесное, искрящееся на солнце горное озеро. На востоке возвышаются невысокие горы, еще покрытые снегом. Я благодарю шоферов, и они приглашают на свое сиденье впереди. Сажусь. Видимость отличная, начинается подъем на перевал, очень часто снимаю всеми тремя аппаратами, беседую с грузинами-шоферами. Они рассказывают о дороге, о своей жизни. Они обслуживают венгерские автобусы, что были получены Грузией три года назад. Учить их пользоваться этой техникой послали одного парня. Так всю дорогу они мне рассказывали об этом парне, какой он и славный, и красивый, и веселый, и как его все шоферы любят. И я понял, что быть добрым и веселым важнее для людей, чем иметь ум, рассудительность, силу.

Спуск с перевала превосходен. Непрерывный серпантин вьется по горе, крутые повороты, природа уже пошла другая, много зелени, дорога просматривается хорошо. А вот и солнечная Грузия. Знакомые, щемящие сердце места. Шофер ведет автобус удивительно четко, нежно, без авантюризма, не спешит, 2-й помощник собирает деньги с пассажиров, которых они набрали по дороге, не давая им, конечно, никаких билетов. Семь часов ехали, но я рад, что поехал на автобусе.

Итак, я в Тбилиси. Узнал расписание всех поездов, прошелся по любимому маршруту и уехал в Рустави. Остановился я, как всегда, у Ильи Джанашвили. У него дочка, ей уже 2 года. Немного поиграв с нею, я начал визиты.

Первый вечер был у Виктора Гохберга. Бродили по городу, болтали, он рассказывал о встречах с Талем, какой тот простой и веселый человек, много говорили о работе. Он работает на металлургическом заводе в ОТК. Он говорил, как много идей, но трудно пробить что-либо новое, о своем сыне от первой жены, о тесте второй жены, бывшем работнике КГБ Грузии, который написал книгу воспоминаний, но ее, несмотря на отличные отзывы, никто не хочет печатать.

На другой день я побывал на цемзаводе, объяснил им, что и как надо делать, чтобы автоматизироваться. Единственный, кто там что-то понимает, так это начальник цеха КИПиА, остальные, даже мой знакомый главный инженер, ни бум-бум. Но хорошо, что хоть выслушал меня, все мои предложения, и приказал тотчас отреагировать – послать соответствующие письма.

– Понимаешь, – говорит мне начальник КИПиА, – ну никто не хочет работать, никто. И зарабатывают немного, и все равно не хотят.

И получается заколдованный круг – зарабатывают мало, потому что не хотят работать, а не работают потому, что мало платят.

А завод красивый, весь в зелени.

Потом я пешком, а это километра 3, отправился на АТЗ, мой родной азотно-туковый, где виделся с Гурамом Яшвили, а потом пошел к Шатиришвили на новый, только что пущенный завод синтетического волокна. Огромный, крупнейший в СССР, а может и в мире. Александр Георгиевич на нем главный инженер. Мой бывший начальник. И очень любимый мною человек. Встретились трогательно и нежно. В присутствии многих людей обнялись, поцеловались. С двух часов до восьми вечера провел с ним. То сидели в его кабинете, то он водил меня по заводу. «Видишь, Изя, – говорил он мне, – стал я ниточником». Он очень больной (сердце), но огромной души человек. Я убежден, что он самый лучший грузин. У него жена русская и двое уже взрослых детей.

Мне нравится, как он разговаривает. Мягко, не торопясь, с юмором рассказывает он о детях, о жизни. Причем он тоже ненавидит здешние порядки, где властвуют деньги, где трудно с продуктами. Подробнейшим образом познакомил меня с заводом. Почти со всеми здороваются, с кем за руку, с кем кивком головы – гамарджоба. По тому, как загораются лица людей, я вижу, как любят его на заводе. Хотя официально правление начинает работу в 9 утра, он уже полвосьмого на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.